

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

БЕРХОВЦЕВА Татьяна Андреевна

КОНСТРУКЦИЯ *КАК ЭТО* В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: СООТНОШЕНИЕ
РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель:

д. ф. н., проф. БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна

Рецензент:

к. ф. н., доц. ШЛЕЙНИКОВА Евгения Евгеньевна

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	8
1.1. Содержание понятий <i>устной, разговорной и спонтанной</i> речи.....	8
1.2. О корпусном подходе в изучении языка	12
1.2.1. <i>Национальный корпус русского языка</i>	14
1.2.2. <i>Звуковой корпус русского языка</i>	15
1.3. Выводы по главе	17
ГЛАВА 2 ВЕРБАЛЬНЫЕ ХЕЗИТАТИВЫ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ УСТНОГО ТЕКСТА.....	19
2.1. Функциональные типы вербальных хезитативов	20
2.2. К вопросу о полифункциональности вербальных хезитативов	23
2.3. О термине <i>конструкция</i> : теоретические предпосылки и практические выводы.....	24
2.4. Выводы по главе	27
ГЛАВА 3 КОНСТРУКЦИЯ (...) КАК ЭТО (...) В УСТНОЙ РЕЧИ.....	29
3.1. Материал и методика исследования	29
3.2. Словарно-грамматический «фон» исследования.....	30
3.2.1. <i>Как это</i> в вопросительном предложении	31
3.2.2. <i>Как это</i> в придаточном предложении.....	31
3.2.3. <i>Как это</i> как компонент союза	32
3.2.4. <i>Как это</i> при риторическом повторе (как частица)	32
3.3. О «реконструкции» конструкции	33
3.4. (...) <i>как это</i> (...) как вербальный хезитатив	39
3.4.1. <i>Поисковый маркер</i>	39
3.4.2. <i>Маркер нетривиальности последующей реплики</i>	45
3.4.3. <i>Рефлексив</i>	46
3.4.4. <i>Неоднозначные случаи</i>	49
3.5. Количественное соотношение употребления конструкции (...) <i>как это</i> (...) в разных функциональных типах	51
3.6. О возможном окружении ВХ (...) <i>как это</i> (...).....	55

3.7. Выводы по главе	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе изучения лингвистики наблюдается высокий интерес к вопросам звучащей речи и функционированию в ней языковых единиц. В связи с этим весьма существенным является выявление тех речевых стратегий, которые реализует говорящий в различных коммуникативных актах. Изучение подобных стратегий возможно только на обширном корпусном материале, который позволяет увидеть закономерности употребления и функционирования в речи различных конструкций.

Актуальность настоящей работы состоит в том, что она продолжает серию исследований, посвященных выявлению специфики устной повседневной речи на лексическом и дискурсивном уровнях (см. подробнее: *Звуковой корпус...* 2015).

Объектом исследования является естественная устная речь, организованная в корпус. Конкретным *предметом* анализа стала полифункциональная конструкция (...) *как это* (...), входящая в число идиоматизированных конструкций русской спонтанной речи.

Цель работы – анализ функционирования конструкции (...) *как это* (...) в повседневной устной речи.

Для достижения этой цели в работе были поставлены и решены следующие *задачи*:

- 1) обзор литературы вопроса (корпусная лингвистика, полевая лингвистика, коллоквиалистика, прагмалингвистика, грамматика конструкций и грамматика употреблений);
- 2) создание пользовательского корпуса материала для исследования;
- 3) выявление «словарных» употреблений исследуемой конструкции, что позволит получить своего рода словарно-грамматический «фон» для последующего лингвистического анализа материала;
- 4) анализ контекстов, включающих исследуемую конструкцию и систематизация функциональных разновидностей конструкции (...) *как это* (...).

Научная новизна исследования усматривается в том, что впервые объектом лингвистического и дискурсивного анализа стала одна из активных единиц русской устной речи – конструкция (...) *как это* (...), во всех ее функциональных разновидностях. До сих пор эта единица не становилась объектом специального внимания ни лингвистов, но лексикографов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что основные ее выводы и положения вносят определенный вклад в разработку теории спонтанной речи и описание специфики ее функциональных единиц. Кроме того, настоящее исследование встраивается в такие направления лингвистики, как *грамматика конструкций* (см.: работы *Ch. J. Fillmore, P. Kay, A. Goldberg*), *грамматика употреблений* (см. работы *M. Tomasello*), *прагмалингвистика* и некот. др.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования результатов проведенного анализа в лексикографических описаниях и при составлении грамматики русской речи (грамматики употреблений).

Материал настоящего исследования составили два блока контекстов:

- 137 употреблений конструкции (...) *как это* (...) из модуля «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ) (все контексты в корпусе на момент написания работы);
- 1186 употреблений из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ); по 400 первых из блоков «публичная речь» и «киноречь» и 386 из блока «непубличная речь» (полная выборка).

При анализе материала применялись **методы**:

- описательного и сопоставительного анализа,
- простых количественных подсчетов.

Структура работы включает:

- 1) введение,
- 2) теоретическая глава I,
- 3) теоретическая глава II,

- 4) исследовательская глава,
- 5) заключение,
- 6) список использованных в работе сокращений,
- 7) список использованных словарей и литературы.

Результаты работы были *апробированы* в докладах и сообщениях на ряде международных конференций:

- XVI Международная конференция молодых филологов (Таллинн, Эстония, февраль 2015 г.);
- XIV Международная студенческая конференция (Нарва, Эстония, апрель 2015 г.);
- XXIV Коллоквиум молодых филологов (Прага, Чехия, сентябрь 2015 г.)
- XVII и XVIII Научные сессии «Невские чтения – 2015» («Наука, образование и культура в новых социально-экономических условиях») и «Невские чтения – 2016» («Теория и практика русистики в стране и за рубежом») (Санкт-Петербург, апрель 2015 г., апрель 2016 г.);
- XVIII Международная конференция студентов-филологов и XIX Открытая конференция студентов-филологов, (Санкт-Петербург, апрель 2015 г., апрель 2016 г.)
- Международная конференция молодых филологов (Тарту, Эстония, апрель 2016 г.)

Результаты работы отражены в следующих *публикациях* автора:

- 1) (...) *как это* (...): полифункциональность конструкции в устной спонтанной речи // Сборник тезисов участников XVI Международной конференции молодых филологов. —Tallinn, 2015.
- 2) The Collocation (...) *как это* (...) in Oral Speech: Realization of the Hesitative Search // XV Student's International Scientific Conference PPCY (April 23-25. 2015). Abstract book. —Narva, 2015. — P. 35;
- 3) «(...) *как это* (...)» как один из способов метакомментирования в устной речи // XVIII Международная конференция студентов-филологов,

Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Д. Н. Чердаков. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — С.28-29. [электронный ресурс];

- 4) «Реконструкция конструкции»: о процессе становления в устной речи одного из вербальных хезитативов // XIX Открытая конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, 18-22 апреля 2016 г.: Тезисы докладов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016 (в печати);
- 5) Метакоммуникативная функция конструкции (...) *как это* (...) в русской спонтанной речи // Актуальные проблемы современной науки № 1(7) 2015. Научная сессия «XVII Невские чтения». Материалы международных научных конференций. — СПб.: Невский институт языка и культуры, 2015. — С. 172-176.
- 6) *Как это по-русски?* О реализации функции хезитационного поиска в русской устной спонтанной речи // Материалы XXIV коллоквиума молодых филологов. Прага, 2016 (в печати);
- 7) *Как это...хорошо* // *А всё почему? Благодаря твоему оптимизму* (конструкции в устной спонтанной речи) // Русская филология. 28. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2016 (в печати).

ГЛАВА 1

СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Устная речь на сегодняшний день является объектом пристального внимания и изучения лингвистов. Именно на ее материале можно проследить те речевые стратегии, которые используются в нашей повседневной коммуникации. Результаты анализа устной речи актуальны и для исследователей смежных дисциплин – социолингвистов, нейролингвистов, психолингвистов, когнитивистов, специалистов по детской речи и др. Кроме того, исследования живой разговорной речи оказываются необходимыми для прикладных задач таких развивающихся дисциплин компьютерной лингвистики, как синтез и распознавание речи. Наконец, привлечение материалов устной речи важно при обучении студентов русскому языку как иностранному. Остановимся подробнее на разграничении понятий *устной*, *разговорной* и *спонтанной* речи.

1.1. Содержание понятий *устной*, *разговорной* и *спонтанной* речи

Устная речь является основной формой существования языка, она «первична и исторически, и функционально, и изучение ее как формы, наиболее близкой к понятию “естественный язык”, является одной из главнейших задач современной лингвистики» (*Звуковой корпус...2013: 17-18*). Устную речь нередко противопоставляют письменной. Стоит отдельно оговорить, что традиционно, на начальном этапе, при изучении устной речи использовались подходы и методы анализа именно письменной речи; последняя, являясь кодифицированной, считалась правильной. Ср.: «...носитель письменной культуры нового времени <...> существует в обстановке своего рода легенды, мифа об устной речи, сформировавшегося в условиях и традициях письменной культуры» (*Гаспаров 1978: 63*). На сегодняшний день устную речь принято рассматривать самостоятельно. Само различное бытование этих двух типов речи предполагает различный подход к анализу. Письменная речь характеризуется подготовленностью, у ее автора

есть время для самостоятельного подбора подходящих средств выражения, лексических и синтаксических. Что касается речи устной, то она разворачивается линейно, то есть в ситуации, когда говорящий вынужден одновременно думать и говорить. «Говорящий употребляет готовые, закрепленные в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, обдуманно не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения» (Шведова 2003: 3). Эта особенность бытования устной речи придает ей свои особенные черты.

Под устной речью (УР) Е. А. Земская понимает «любую речь, проявляющуюся в устной форме» (Земская 1998: 406). Высказывание в УР формируется одновременно с процессом мышления, у говорящего отсутствует время для продумывания построения своего текста, как следствие, появляются те присущие исключительно устной речи черты, которые невозможно зафиксировать в письменной речи: «меньшая лексическая точность, синтаксические ограничения длины и сложности словосочетаний и предложений, отсутствие причастных и деепричастных оборотов, появление необычных для письменной речи конструкций, заполнителей пауз, наличие речевых ошибок» (Сиротинина 1983: 14).

Для устной речи характерны паузы (говорящему нужно время, чтобы обдумать продолжение собственной речи), растяжки звуков (э-э, м-м и под.), заминки и сбои, обрывы высказывания (*не наезж...*), самоперебивы и самоисправления (*ше...шоу*).

Близким понятием является *разговорная речь* (РР). Приведем несколько ее определений: «непринужденная речь носителей русского литературного языка» (Земская 1970: 3); «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия» (Лантева 2000: 407). Для О. Б. Сиротининой разговорная речь также является одним из видов устной речи, в противопоставлении с научной, публицистической, деловой и художественной речью – неразговорными видами устной речи (Сиротинина

1983). Н. В. Богданова-Бегларян утверждает, что разговорная речь (как форма устной речи) противопоставляется «кодифицированному русскому языку и профессиональной речи как некодифицированная речь – кодифицированной – и как исключительно устная – такой, которая существует и в устной, и в письменной формах» (Богданова 2001: 16-17).

Таким образом, для разговорной речи основными признаками оказываются устная форма, непринужденность и естественность. Отмечено, что для РР «характерно непосредственное участие говорящих в речевом акте» (*Звуковой корпус...* 2013: 78), то есть подчеркивается в первую очередь ее диалогическая природа, ср.: «функция разговорной речи (РР) заключается в обслуживании сферы неофициального, неподготовленного личного общения (*Земская и др.* 1981: 5).

Понятие *спонтанной речи* выводится из противопоставления спонтанности – подготовленности. Некоторые ученые (в частности, Е. А. Земская) в своих исследованиях не противопоставляют эти два понятия, согласно такой концепции, и спонтанная, и неспонтанная речь могут рассматриваться с точки зрения подготовленности и неподготовленности.

Существует в лингвистике и другая точка зрения, согласно которой спонтанной называют такую «форму устной речи, которая может сочетаться с различной степенью подготовленности (обдуманности) ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях общения (разговорный диалог или полилог, беседа, свободный монолог, доклад или лекция, читаемые без опоры на письменный текст, и др.)» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 5). Ситуации разговорного диалога и полилога можно охарактеризовать как в высшей степени неподготовленные, именно в таком типе общения наиболее часто встречаются оговорки, ошибки, самоисправления, выстраивание реплики совместно двумя или несколькими говорящими. Приведем одну из возможных классификаций степеней спонтанности (неподготовленности) устной речи:

1) *неподготовленная речь* (характеризуется упрощением первичного замысла – незавершенные конструкции, резкие смены темы, непродуманность композиции. Пример: бытовые диалоги);

2) *частично подготовленная речь* (тема определяется ситуацией общения. Пример: диалоги, сопровождающие предметно-практическую или игровую деятельность, принятие совместных решений или решение интеллектуально-познавательных задач; монолог-рассказ на заданную тему);

3) *подготовленная речь* (тщательная подготовка, возможно существование письменного прототипа. Пример: публичные выступления, доклад, тост, поздравление);

4) *неспонтанная речь* (текст заучен говорящим. Пример: сценическое выступление, речь дикторов, чтение) (Борисова 2001: 143).

При изучении спонтанной речи перед исследователями встает вопрос о том, как получить максимально неподготовленную спонтанную речь в полевых условиях. В частности, создателями блока «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка выделяются четыре степени естественности спонтанной речи:

1) *лабораторная речь*, записываемая в условиях звукоизолированного помещения, когда не только наличие диктофона, но и вся обстановка записи, а также наличие конкретного «речевого задания» определенным образом «напрягают» говорящего, что не может не отразиться на его речи;

2) *экспериментальная речь*, которая записывается на «территории информанта» (в «полевых условиях»: у него дома или на рабочем месте), что дает говорящему большую свободу, но по-прежнему сковывает его присутствием диктофона и рамками определенного речевого (коммуникативного) сценария, заданного экспериментатором;

3) *естественная речь информанта* в проекте ОРД, проживающего свой «речевой день» «с диктофоном на шее»;

4) *максимально естественная речь коммуникантов* в проекте ОРД. (Звуковой корпус...2013: 46-47).

Метод «включенного наблюдения» в этой связи представляется самым результативным: говорящий ведет себя расслабленно и естественно (именно так получается *максимально естественная речь*, п. 4).

В качестве критериев для оценки естественности спонтанной речи традиционно называют:

- непринужденность,
- неофициальность,
- неподготовленность (*Земская и др.* 1981: 5).

В ряде работ, посвященных спонтанной речи, выявлены характерные для нее признаки: это разного рода паузы колебаний (паузы хезитации, заполненные и незаполненные), незаконченные синтаксические конструкции и обрывы, заминки, вставные и металингвистические конструкции и др., ср.: «спонтанность – это проявление в речевой коммуникации сбоев, связанных с несоответствием мысли условиям коммуникации. Это происходит из-за конфликта передаваемой мысли с эмоционально-чувственным, интеллектуальным или культурным состоянием говорящего» (*Звуковой корпус...2013: 58*).

1.2. О корпусном подходе в изучении языка

На современном этапе необходимой частью лингвистического исследования становится обращение к объемным и статистически представительным массивам данных. Источником таких данных может служить язык (речь), организованный в *корпус*. Разумеется, обращение к корпусам данных в лингвистических исследованиях производилось всегда, и задолго до появления подобного термина. Вслед за А. Д. Шмелевым, можно сказать, что «всем лингвистам очевидно, что лингвистические утверждения должны опираться на языковой материал, а такой материал удобно извлекать из представительного корпуса текстов. Не случайно во множестве диссертационных исследований дается список источников, из которых извлекался материал для анализа (т. е. по существу корпус текстов)» (*Шмелев 2010: 236-237*). Однако в последнее время под корпусом понимается

скорее не просто пользовательская база текстов (которую скорее назовут *пользовательским корпусом* или *подкорпусом материала*), а обработанный и определенным образом размеченный массив текстов. *Корпус* – это некоторая электронная информационно-справочная система, которая заключает в себе представительное собрание текстов на конкретном языке, ср.: «корпус некоторого языка – это, в первом приближении, собрание текстов на данном языке, представленное в электронной форме и снабженное научным аппаратом. Аппарат, “встроенный” в корпус, обычно называется “разметкой”, или “аннотацией”, корпуса...» (Плунгян 2005: 6) Важным параметром для корпуса считается его открытость и доступность, что позволяет большому ряду исследователей решать самый широкий спектр лингвистических задач. Разметка, или лингвистическая аннотация, корпуса во многом определяет, с одной стороны, возможность четко задавать необходимые параметры при поиске материала, с другой стороны, качество и статистическую достоверность полученных результатов.

Корпусный подход оправдывает себя и при работе с устной речью. Во-первых, «исследования разговорной речи <...> не могут опираться на компетенцию носителей языка: как было обнаружено довольно давно, особенности разговорной речи обычно не осознаются говорящими, которые, даже когда им предъявляют их собственные высказывания, не верят, что они могли действительно так сказать» (Шмелев 2010: 239). В самом деле, невозможно представить, что исследователь языка (не говоря о носителе, который не подходит к рассмотрению своей речи с профессиональной точки зрения) смог заметить и проанализировать все особенности речи, тем более в ситуации бытового непринужденного общения. Кроме того, на речи, организованной в корпус, можно проследить стратегии говорящих в коммуникации, видоизменения в использовании и функционировании различных речевых единиц и многое другое.

Приведем еще одну цитату из работы В. А. Плунгяна: «Почему образцы устной речи так важно иметь в Корпусе? Люди пишут не так, как

говорят; в особенности это различие ощутимо для языков с давней письменной традицией, за время существования которой нормы письменной и устной речи успевают разойтись достаточно сильно» (Плунгян 2005: 298). Это замечание лишний раз подтверждает невозможность «судить» устную речь по правилам и кодификациям речи письменной. И в русском языке, как языке с безусловно богатой письменной традицией, нормы устной речи достаточно далеки от письменных, поэтому заслуживают отдельного полноценного анализа.

Наконец, использование корпусов при работе с устной речью позволяет исследователям избежать процесса самостоятельной записи, сбора, подготовки и расшифровки звучащего аудиоматериала (или упростить его).

В следующих разделах работы становимся подробнее на тех корпусах, которые были использованы в настоящем исследовании: это Устный подкорпус Национального корпуса русского языка и Звуковой корпус русского языка, в частности, модуль «Один речевой день».

1.2.1. Национальный корпус русского языка

На сегодняшний момент Национальный корпус (<http://www.ruscorpora.ru>) является наиболее масштабным корпусом текстов на русском языке, ср.: «национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п.» (*Что такое корпус?*). Получается, что в корпусе отражены, так или иначе, все виды текстов на данном языке, что, безусловно, подчеркивает представительность подборки данных. Об этом важном параметре корпуса писал В. А. Плунгян: «понятно, что Национальный корпус должен быть прежде всего большим: его объем измеряется сотнями миллионов словоупотреблений <...> Но, кроме того, он – и это даже важнее – должен быть представительным. Иначе говоря, он должен содержать все типы текстов, представленные в данном языке в данный исторический период, и при этом содержать их в правильной пропорции» (Плунгян 2005: 297).

Что касается первого условия («Национальный корпус должен быть прежде всего большим»), НКРЯ содержит действительно большой массив текстов. Общий объем корпуса на сегодня составляет более 360 млн. словоупотреблений, большая часть текстов включена в Основной подкорпус (более 200 млн. словоупотреблений, что составляет 57,3 % от всего корпуса). Основной подкорпус включает в себя письменные тексты разного времени создания и разной стилистической отнесенности. Наряду с основным в НКРЯ представлены газетный, диалектный, обучающий, параллельный, поэтический, устный, синтаксический, акцентологический, исторический и мультимедийный подкорпусы.

В настоящей работе источником материала послужил Устный подкорпус НКРЯ (насчитывает 11,3 млн. словоупотреблений). УП включает в себя транскрипты фильмов, а также записи реальной устной речи. В УП представлены разные типы текста: устная публичная речь (монологические тексты, напр., лекция, новостной комментарий или презентация; диа-/полилогические тексты, напр., интервью, дискуссия, круглый стол) и устная непубличная речь (монологические тексты, напр., пересказ; диа-/полилогические тексты, напр., домашний разговор, телефонный разговор и пр.). Разнообразие УП свидетельствует об интересе исследователей к вопросам изучения и анализа устной речи, а также о понимании важности представленности ее в Национальном корпусе. «Практика создания национальных корпусов свидетельствует, что в качестве необходимой составляющей корпуса, без которой информация о данном языке не может считаться полной, рассматривается не только письменная, но и устная форма речи» (Гришина 2005: 94).

1.2.2. Звуковой корпус русского языка

Звуковой корпус русского языка создается на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Он включает в себя два блока – Сбалансированную аннотированную текстотеку

(САТ) и «Один речевой день». Блоки различаются по принципу сбора и организации материала.

Главным принципом блока САТ можно считать строгую балансировку по различным параметрам – социологическим, психологическим и собственно лингвистическим. При формировании этого блока был соблюден *принцип ковчега* («каждой твари по паре»).

Под *лингвистической балансировкой* материала понимается построение всех текстов в рамках комплекса *коммуникативных сценариев*:

- *чтение и пересказ* (сюжетный и несюжетный исходный текст);
- *описание изображения* (сюжетного и несюжетного);
- *свободный рассказ на заданную тему* (знакомую и незнакомую).

Социолингвистическая балансировка материала предполагает учет пола и возраста информанта, его профессиональной принадлежности, профессионального или непрофессионального отношения к речи, уровня речевой компетенции и некот. др.

Психолингвистическая балансировка материала происходит путем учета психологических характеристик информантов, прежде всего их экстравертности/интровертности (в основе дифференциации – психологический тест Г. Айзенка) (см. подробнее: *Звуковой корпус...2013*).

Благодаря произведенной балансировке можно устанавливать корреляции между полученными языковыми данными и характеристиками говорящих.

Блок «Один речевой день» изначально формировался по *принципу невода*: выборка информантов не была сбалансированной (по гендеру, профессии, роду занятий, психотипу и пр.), в какой-то мере отображая современный социальный и психологический срез общества. Материалом для блока послужили бытовые спонтанные разговоры среднестатистических носителей языка, ср.: «Приоритетная задача данного проекта заключается в том, чтобы получить записи русской спонтанной речи в максимально *естественных условиях*» (курсив авторов. – Т. В.) (*Звуковой корпус...2013*:

146). Записи были получены с использованием методики 24-часовой записи, когда информанты проживали «один речевой день» с диктофоном на шее. Таким образом были получены монологи, диалоги и полилоги в разных коммуникативных ситуациях (разговоры дома, деловые рабочие разговоры, встречи с друзьями, телефонные разговоры, лекции и пр.). В течение дня (иногда нескольких дней) записи информанты вели дневники своего речевого дня, указывая ситуацию общения («дома», «на работе», «в машине», «в кафе») и своих собеседников (коммуникантов). Кроме того, информанты заполняли социологическую и психологические анкеты.

На сегодняшний день в проекте приняло участие 127 информантов и около 850 их коммуникантов, корпус насчитывает более 1200 часов звучания и около 1 млн. словоформ в расшифровках (см. подробнее: *Bogdanova-Beglarian et al.* 2016).

На материале двух корпусов – УП НКРЯ и ОРД – и было проведено настоящее исследование.

1.3. Выводы по главе

В настоящий момент внимание многих лингвистов обращено к вопросам устной речи. «Такая направленность <...> соответствует развивающимся в последние десятилетия теоретическим подходам, которые ориентируются на употребление языковых единиц (usage-based theories)» (*Воейкова* 2015: 10). Именно на материале устной речи появляется возможность увидеть реальное употребление языковых единиц, проанализировать их функциональные возможности и потенциал. Лингвистический анализ сложно представить без обращения к обширному корпусному материалу. Интерес к вопросам устной речи стал причиной появления Устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (четвертый по объему подкорпус в составе НКРЯ) и Звукового корпуса русского языка (общая цель которого – фиксация «состояния современной русской речи во всем ее жанровом и тематическом разнообразии, в неразрывной связи как с ситуацией общения, так и с говорящим индивидом

и его социальными отношениями с коммуникантами» (*Звуковой корпус...* 2013: 67). На материале устной спонтанной речи и было выполнено настоящее исследование.

ГЛАВА 2

ВЕРБАЛЬНЫЕ ХЕЗИТАТИВЫ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ УСТНОГО ТЕКСТА

В ситуации естественного порождения речи говорящему приходится действовать в условиях временного дефицита, то есть думать и говорить одновременно, ср.: «процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления» (Кацнельсон 1972: 110); «...в реальных условиях коммуникации, в процессе естественного спонтанного диалога продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в “экстремальных условиях” – при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию» (Левицкий 2011: 162). Такие «экстремальные условия» становятся причиной появления в речи хезитационных явлений (от англ. *Hesitation*– ‘колебание’), показателей раздумий говорящего. При описании единиц звучащей речи, в частности, используется такая классификация (Куканова 2009): *речевые единицы* (носители лексического значения), *неречевые единицы* (растяжки звуков, обрывы и пр.: *во-о-от, с-с-сам, э-э, м-м, провер...*) и *условно-речевые единицы* (в том числе *вербальные хезитативы*) (см. рис. 1).

Рис. 1. Единицы звучащей речи

Такие неотъемлемые элементы устной речи «весьма разнообразны <...> и могут быть систематизированы с точки зрения функций, выполняемых ими в спонтанной речи» (Звуковой корпус... 2015: 212). Рассмотрим подробнее функциональные типы вербальных хезитативов (ВХ).

2.1. Функциональные типы вербальных хезитативов

Основная функция вербальных хезитативов – заполнение паузы колебания, ср.:

- *у людей хобби например / да ? *П *В ну(:) / там скажем / *П ну / не знаю / паяет что-то (ОРД)¹;*
- *нет / просто / *П мне очень интересно / *П кто () ху из ху / какого происхождения потому что / *П какой-нибудь там я не знаю немец / у него плохая погода блин / ну везде плохая погода (ОРД);*
- *машина перевернулась / и кабиной кабиной налетела на дерево / машину фактически / разорвало пополам // и в общем / вот там [вот значит] на фотографиях три трупа по крайней мере есть (САТ)².*

В приведенных примерах говорящие, наряду с паузами разного типа (*П, (), Ъ) и растяжками звуков (ну(:)), заполняют свое высказывание вербальными, уже практически десемантизированными, элементами. К примеру, Б. Я. Ладыженская выделяет отдельный «паузальный функциональный тип» вставных элементов, которые «являются отражением в речи реальных затруднений, связанных с процессом порождения развернутого речевого сообщения» (Ладыженская 1985: 17-18).

Помимо универсальной функции заполнения паузы колебания, вербальные хезитативы обладают рядом прагматических нюансов. В частности, они помогают говорящему выстраивать свою речь, тем самым выполняют дискурсивную функцию, ср.:

- *собственно говоря / выходной день [э э] у меня нет выходного дня (САТ);*
- *в шесть или в семь / я думаю что / я одну оставлю (САТ);*
- *ну вот // *П и за это время / *П (э...э) переселилось примерно / *П двадцать четыре тысячи (...) финнов ингерманландцев / которые вот проживали на (...) территории Ленобласти / и не только (...) Ленобласти / *П вот // ну вот так вот (ОРД).*

¹ Об особенностях орфографического представления материала в блоке ОРД см.: Шерстинова и др. 2009.

² О специфике орфографического представления материала в блоке САТ см.: Русская спонтанная речь 2008: 13-14.

Такие вставки маркируют начало и конец высказывания (своего рода предупреждения: «я начинаю говорить», «я закончил высказывание»), а также помогают навигации по тексту.

Одной из распространенных функций вербальных хезитативов можно назвать функцию *поиска*, ср.: «вербальные хезитативы в поисковой функции отражают саму сущность спонтанного речепроизводства: любое продвижение монолога вперед может вызвать у говорящего хезитационную заминку, в ходе которой он обдумывает свою речь, подбирает ту или иную языковую единицу, что-то корректирует или меняет микротему» (Богданова-Бегларян 2013: 135). По определению В. И. Подлесской, в такой ситуации имеет место *препаративная подстановка*: «феномен препаративной подстановки состоит в том, что говорящий, не найдя удовлетворяющую его вербализацию составляющей, временно подставляет на ее место заместитель» (Подлесская, Хуришудян 2006: 429).

- *а как это под... подставлялы / которые разводят // это ж в Москве / под Москве / по Моск.../ Подмосковье знаешь там* (ОРД);
- *я уже думал / может опять отправить их одних // *П всё-таки с ребёнком / там море такое знаешь (...) опасное*(ОРД);
- *а сейчас с флэшкой всё таки / ага / сейчас // он ушёл в этот самый @ он ушёл @ в (э-э) ... бельё понёс / я ему сказала / он сейчас бельё отнесёт и придёт* (ОРД).

В приведенных примерах подчеркнуты результаты хезитационного поиска, осуществленного говорящим: это может быть наименование или определение, предикат или целая предикативная единица. Поиск может быть неудачным, ср.:

- *смотрите / молодец какой // *П а мы(:) / как его / в Доме малютки короче вот* (ОРД);
- *Вот то / две их / это / было / кажется // Всё помню как это... / Ну / сейчас / ну что это такое!*(УП НКРЯ).

На материале Звукового корпуса русского языка были выявлены специфичные функции, отмеченные пока у отдельных вербальных хезитативов. Это, например, функция *самокоррекции*:

- *яркая солнечная погода // говорить можно? так был ярк...] **это самое**] был] июльский день / вот / небо было чистым / безоблачным / солнце] светило (САТ);*
- *и где-то вот] метра-ах наверно] в пяти от машины / лежит тело / [нрзб] ну на... написано что живой еще был пока / вот **это самое**] как авария не случилась (САТ).*

В обоих примерах говорящие после запинки (*ярк...*) и вроде бы завершения высказывания (*пока* /), изменяют, корректируют только что произнесенное, вероятно, подбирая более правильное слово или объясняя сказанное.

При исследовании функционирования в устной речи конструкции *вот (...)* *вот* была отмечена ее *дейктическая*, или *указательная*, функция:

- *а потом / *П задумал **вот эту вот** задумку / построить **вот такой вот** склад для корабельных брёвен (ОРД);*
- *на дорогах России / гибнет от тридцати тысяч / до сорока тысяч человек // **вот только вот** Коля один вот яркий такой пример (САТ).*

Обращает на себя внимание тенденция к многократному повторению *вот* в рамках даже одного высказывания. Вполне возможно, что используется оно, помимо прямого указания, и для ритмизации сказанного. Для единицы *вот* при построении устного текста функционирование как *римообразующей* вставки типично (см. *Кислощук 2011; Богданова-Бегларян, Кислощук, Шерстинова 2013*):

- *идешь **вот** | в основном | сплошные негры (САТ);*
- *какие-нибудь | **вот** домашние | дела **там**(САТ);*
- ***вот** мне **там в этом** | () пенсионном отделе | / одна **вот** женщина | говорит (ОРД).*

Таким образом, лишь несколько перечисленных функций наглядно демонстрируют все многообразие возможностей использования вербальных хезитативов в устной спонтанной речи. Однако неизбежно встает вопрос о способах систематизации такого разнообразного материала.

2.2. К вопросу о полифункциональности вербальных хезитативов

Зачастую вербальные хезитативы выполняют в устной речи не только одну функцию. Помимо общей для всех – *хезитационной* – в ситуации коммуникации важной оказывается, например, их *метакоммуникативная* функция. Целью заполнения паузы колебания может быть и желание говорящего привлечь внимание собеседника, и попытка удержать за собой право продолжить высказывание. Поскольку в диалогической речи многое направлено на реакцию собеседника, метакоммуникативная функция у вербальных хезитативов усматривается – параллельно с хезитационной (и зачастую поисковой) – почти всегда, ср.: «часто хезитация в спонтанном тексте сопровождается еще и *метакоммуникацией*, когда с помощью дискурсивных единиц говорящий выражает сомнения в своих способностях правильно выразить ту или иную мысль, реализовать то или иное коммуникативное задание <...> или просто продолжить речь...» (Богданова 2012: 74). ВХ в таком случае оказывается индикатором «субъективной оценки говорящим собственной речевой деятельности» (Шилихина 2013: 717):

- *ну посмотрим / посмотрим чего там как // *П ой-ой-ой / *П ну (:)* *знаете / как это / вашими устами / да мед пить* (ОРД);
- *вот я подумала всё-таки / я думаю / не знаю / вот я бы наверное / если я такая хорошая как мне казалось он такой хороший / я б наверное так не поступила бы* (САТ);
- *похоже этот котик скоро попадет под колеса / зачем его тогда вообще спасали / вот / ну вообще я не знаю* (САТ).

В первом случае ВХ *как это* заполняет паузу хезитации, вызванную сложностью при подборе следующего фрагмента речи (*хезитативная* и *поисковая* функции), и привлекает внимание собеседника (*метакоммуникативная* функция).

Во втором примере фрагмент *я думаю / не знаю* вербализует сомнение говорящего по поводу произнесенного (*метакоммуникативная* функция), а также помогает в выстраивании высказывания (*дискурсивная* функция).

Наконец, в третьем случае финальным маркером (*вот / ну вообще я не знаю*) обозначен конец высказывания и одновременно отношение говорящего к высказанной мысли.

Можно сделать вывод, что при описании вербальных хезитативов надо, с одной стороны, уметь разделять и классифицировать их функциональные варианты, с другой стороны, всегда помнить о возможной полифункциональности, совмещении нескольких функций в одной единице. ВХ оказываются необходимыми при построении устного текста, ср.: «...“заполнители пауз” не только позволяют говорящему выиграть время, но и задают членение текста на синтагмы и макросинтагмы, управляют вниманием собеседника, маркируют различные этапы построения речи, дают информацию об отношении говорящего к произносимому тексту и могут выражать общие установки, которыми руководствуется говорящий при построении речи. Тем самым каждое из “слов-паразитов” заслуживает самого внимательного лингвистического анализа, направленного на выявление их коммуникативных функций, тем более что, как выясняется, “значимое” и “незначимое” (“паразитическое”) употребление прагматических маркеров “не всегда легко разграничить” [Сиротина 1974: 71]» (Шмелев 2005: 519).

2.3. О термине *конструкция*: теоретические предпосылки и практические выводы

В настоящей работе для определения исследуемой единицы устной речи (...) как это (...) использован термин *конструкция*. В данном разделе будут рассмотрены положения направления *грамматики конструкций* (ГК), а также сделана попытка объяснить использование термина для анализируемой единицы.

Известно, что «в современной лингвистике, ориентированной, с одной стороны, на функциональность и антропоцентричность описания, а с другой стороны – на возможности корпусной лингвистики, уже практически очевидна необходимость использования основных положений *грамматики конструкций* (курсив мой. – Т. В.) и близких к ней научных направлений»

(Ягунова, Пивоварова 2014: 570). Теория *грамматики конструкций* (Construction Grammar или, сокращенно, C&G) была предложена Ч. Филлмором в конце 1980-х. Она получила широкое распространение в лингвистике (ср. работы: *Fillmore, Kay, O'Connor* 1988; *Goldberg* 1995, 2006; *Kay* 1998; *Fillmore* 1999; *Fried, Östman* 2004; и др.). Основная идея теории сформулирована так: «the major motivation for Construction Grammar (CG) is the need to develop a system of grammatical description in which the marked constructions (more or less ‘idiomlike’ forms of expressions) are represented in the same formal system as a regular, ‘core’ patterns or rules» («основной стимул для создания грамматики конструкций (ГК) – это необходимость развить систему грамматического описания таким образом, чтобы конструкции (более или менее “идиомоподобных” формы выражения) были представлены в системе так же, как регулярные, “ядерные” модели и правила» (перевод мой. – Т. В.) (*Kay* 1998: 1).

Согласно этому подходу, *конструкция* определяется как основная единица языка. При этом «под конструкцией понимается языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (*Лингвистика конструкций* 2010: 19), ср.: «При этом у конструкции есть такие свойства, которых нет у составляющих ее элементов. В частности, у конструкции есть определенное значение, которое, как правило, не является простой совокупностью значений ее элементов, и она может служить базой для минимальной полноценной информационной единицы в дискурсе. Кроме того, конструкция, будучи целостной единицей, может оказывать “обратное” воздействие на составляющие ее элементы, в результате чего они меняют присущие им свойства» (*Храковский* 2014: 25).

Важной идеей для грамматики конструкций является то, что «элементы и значения каждого из участвующих в данной конструкции уровней существуют не по отдельности, а в тесной взаимосвязи друг с другом <...> Нередко в “одной упряжке” могут оказаться не только семантико-

синтаксические (и прагматические), но и морфологические, и даже фонетические свойства отдельных составляющих» (*Лингвистика конструкций* 2010: 21). Из этого тезиса, согласно Е. В. Рахилиной, происходят следующие «последствия»:

- анализ на всех уровнях языка происходит одновременно (как следствие, автономный синтаксис, автономная семантика и т. п. невозможны);
- главным в конструкции оказывается значение, таким образом, форма высказывания оказывается мотивированной;
- набор конструкций индивидуален для конкретного языка, и в то же время универсален – «все человечество говорит конструкциями»; простые конструкции запоминаются целиком (поэтому целесообразно говорить о словаре конструкций отдельного языка наряду со словарем слов), сложные же создаются на основе простых с опорой не на правила, а на общезначимые понятийные универсалии;
- близкие конструкции устроены похоже, чтобы их легче было употреблять, и образуют «семейства»;
- конструкции изменяются со временем и на всех уровнях; даже рассматривая синхронный срез, невозможно не обращаться к прошлому и будущему, отмечая утраты и прогнозируя изменения (*Лингвистика конструкций* 2010: 21-24).

Ссылаясь на приведенную выше идею о том, что *конструкции* «пронизывают весь и всякий естественный язык: все человечество говорит конструкциями», необходимо отметить, что «в предельном случае такой подход приводит к закономерному выводу, согласно которому все синтаксические единицы являются *конструкциями* <...> то есть любая синтаксическая единица накладывает определенные ограничения на переменные и принципиальной разницы между идиоматизированными и свободными конструкциями не существует» (курсив автора. – Т. В.) (*Копотев* 2008: 19).

Для определения неоднословной, устойчивой и регулярно встречающейся языковой единицы может быть также использован термин *коллокация*. Этот термин был введен в лингвистику Дж. Р. Ферсом (*Firth* 1957). Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (именно здесь впервые в отечественной лексикографии был представлен этот термин), под *коллокацией* понимают «лексико-фразеологически обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии» (*Ахманова* 1966: 193). Существует несколько определений *коллокаций*, но «в целом в основе большинства <...> лежит явление семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания (см., например: *Иорданская, Мельчук* 2007; *Захаров, Хохлова* 2010: 137). На современном этапе термин *коллокация* нашел широкое применение в корпусной лингвистике, «в рамках которой понятие коллокации переосмысливается или упрощается по сравнению с традиционной лингвистикой. Этот подход смело можно назвать статистическим. Во главу угла ставится частота совместной встречаемости, поэтому коллокации в корпусной лингвистике могут быть определены как *статистически устойчивые словосочетания*» (курсив авторов. – *Т. В.*) (*Захаров, Хохлова* 2010: 138). В настоящей работе не ставилось задачи провести подробный корпусный и статистический анализ употреблений исследуемой единицы(...) как это (...), поэтому было принято решение не использовать термин *коллокация* для ее обозначения.

2.4. Выводы по главе

Настоящее исследование проведено на материале устной спонтанной речи, организованной в корпус. «Если мы хотим выявить наиболее динамичные структуры живого русского языка – и если мы хотим хотя бы отчасти заглянуть в будущее русского языка, мы должны обратиться к стихии устной речи, не скованной традицией и нормой» (*Плунгян* 2005: 298).

Существует несколько точек зрения на то, какие единицы и какого объема стоит выделять в речи; соответственно, бытует много различных терминов для их обозначения. В настоящей работе внимание обращено к условно-речевым единицам устного текста, уже утратившим свое лексическое и грамматическое значение. Такие единицы становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» (Graf 2011: 296).

Взяв для анализа неоднословную и воспроизводимую единицу (...) *как это (...)*, мы столкнулись с проблемой для ее обозначения. В приведенных выше определениях важными кажутся такие признаки, как устойчивость, воспроизводимость и частота встречаемости, их уместно выделить и в исследуемой единице. От термина *коллокация* мы отказались по причине отсутствия в работе статистического анализа встречаемости исследуемой единицы. Таким образом, в рамках данного исследования было принято решение остановиться на термине *конструкция* как единице, «у которой есть такие общие свойства, которые не детерминируются составляющими ее элементами» (Храковский 2014: 754). В ситуации спонтанной речи исследуемая конструкция (...) *как это (...)* обладает, скорее, не значением, а функцией – чаще всего в процессе речепорождения она помогает выстраиванию устного текста и маркирует поиск, «отягощенный» иногда некоторыми прагматическими нюансами.

ГЛАВА 3

КОНСТРУКЦИЯ (...) КАК ЭТО (...) В УСТНОЙ РЕЧИ

Исследованиям устной речи в современной лингвистике уделяется особое внимание. В частности, в рамках коллоквиалистики рассматриваются разнообразные функциональные возможности и прагматические нюансы, которые в естественной речи получают привычные языковые единицы. В рамках настоящего исследования такой анализируемой единицей стала конструкция (...) как это (...).

3.1. Материал и методика исследования

Источником материала для настоящего исследования послужили два корпуса, представляющих устную речь – Устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) и блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка (ОРД ЗКРЯ). Конкретным материалом для анализа стали:

- 137 контекстов, включающих конструкцию (...) как это (...), из блока ОРД (полная выборка);
- 386 контекстов, включающих конструкцию (...) как это (...), из УП НКРЯ («непубличная речь», полная выборка);
- первые 400 контекстов, включающих конструкцию (...) как это (...), из УП НКРЯ («публичная речь», сплошная выборка);
- первые 400 контекстов, включающих конструкцию (...) как это (...), из УП НКРЯ («киноречь», сплошная выборка).

Как видно, оба корпуса, ставших источником материала, содержат устную речь, однако представлена она в них по-разному. В корпусе ОРД содержатся расшифровки записей максимально естественной речи, которую можно получить лишь в «полевых» (естественных для говорящего) условиях. Это бытовые разговоры (преимущественно диалоги и полилоги) носителей русского языка в привычных условиях (дома, на работе, с друзьями). Что касается Устного подкорпуса НКРЯ, то было принято решение разбить выборку на три блока – «публичная речь», «непубличная речь» и «киноречь».

В блоке «публичная речь» представлены такие типы текста, как беседа, дискуссия, интервью, спортивный комментарий, лекция, репортаж и пр. Блок «непубличная речь» содержит расшифровки бытовых разговоров и микродиалогов. В последнем блоке материала представлены транскрипты фильмов.

Во всех случаях анализу подвергались текстовые расшифровки записей звучащей речи. В УП НКРЯ представлена преимущественно орфографическая расшифровка со снятыми знаками препинания. В блоке ОРД тексты расшифровок также не содержат знаков препинания (интонационное членение речи отражено слешами – / и //), однако здесь обозначены все черты естественной речи (заполненные и незаполненные паузы хезитации, обрывы и повторы, растяжки гласных и согласных, а также некоторые паралингвистические явления, например, вздохи, смех, кашель). Предполагалось, что на материале, отобранном таким образом, можно будет проследить градацию степеней естественности устной речи. Так, в блоке «публичная речь» УП НКРЯ речь оказывается максимально подготовленной и контролируемой самим говорящим, в блоке ОРД ЗКРЯ – максимально спонтанной и живой. Что касается блока «киноречь», было интересно рассмотреть, как речь, написанная как сценарий, получает черты естественности в устах киногероев.

Общий объем исследованного материала составил 1323 употребления конструкции (...) *как это* (...).

3.2. Словарно-грамматический «фон» исследования

При отборе контекстов для анализа на начальном этапе в пользовательский подкорпус были включены все случаи, где *как* и *это* оказываются рядом. Большинство таких случаев уже описаны современными грамматиками и словарями (см., например: Ушаков 1938; Русская грамматика 1980; Ожегов, Шведова 1992; Словарь русского языка 1999; Ефремова 2000; и др.). Ниже приведены примеры с теми «словарными» значениями, которые были обнаружены при анализе.

3.2.1. Как это в вопросительном предложении

Как в контекстах данного типа оказывается местоименным вопросительным наречием, *это* – указательным местоимением. Такое употребление характерно и для письменных, и для устных текстов, ср.:

- (1) *Как это явление можно объяснить?* (ОП НКРЯ);
- (2) *Как это может помочь?* (УП, публичная речь);
- (3) *Понятно / что сейчас там уже в Хрущевское время / после 20-го съезда появилось много разоблачающих материалов / а тогда как это воспринималось?* (УП, публичная речь);
- (4) *Где его лицо? Как это смотреть?* (УП, непубличная речь);
- (5) *А как это связано?* (УП, непубличная речь);
- (6) *Как это доказывает / что тот / кто купил у мальчишки этот нож / что именно он и убил его?* (УП, киноречь);
- (7) *А как это выглядит на практике?* (УП, киноречь);
- (8) *Как это было пришито?* (ОРД);
- (9) *Вчера Олеся его ножом ц... цапанула // *П я говорю / как это случилось-то?* (ОРД).

Такое употребление обнаруживается во всех типах контекстов, а также представлено большей долей во всех подкорпусах устной речи (подробное количественное соотношение см. в разделе 3.5. настоящего исследования).

3.2.2. Как это в придаточном предложении

В данных примерах относительное местоименное наречие *как* выступает в качестве союзного слова, *это* – указательное местоимение. В ряде случаев *как* в придаточном предложении образа действия соотносится с *так/такой* в главном предложении, ср.:

- (10) *Лишь недавно удалось наблюдать, как это происходит* (ОП НКРЯ);
- (11) *И тогда встанет вопрос / как это впишется в систему общего законодательства?* (УП, публичная речь);
- (12) *Существует ли договорённость с каким-то центральным каналом о показе всех матчей сезона 2004 / так как это было недавно с «Сатурном- RepTV»?* (УП, публичная речь);
- (13) *Абсолютно филологический анекдот / Кто не представляет как это слово написано тот ничего не понимает* (УП, непубличная речь);

- (14) Ты представляешь / **как это** всё будет? Здесь ты с сыном / там Лена вот через жёрдочку / а мне куда? (УП, киноречь);
- (15) То есть я понимала / **как это** нехорошо (УП, киноречь);
- (16) Ольга Павловна пусть накает мне всё / *П объяснит / **как это** всё отправляется в госпитали (ОРД).

Видно, что все примеры также взяты из письменной и устной речи.

3.2.3. Как это как компонент союза

В данном разделе приведены контексты из проанализированного материала, где *как* оказывается компонентом союза, в частности: причинного союза *так как* и уступительного союза *как ни*. *Это* – указательное местоимение. Ср.:

- (17) При этом учтите, что непосредственно измерять толщину пластинки линейкой нецелесообразно, так как это даст недостаточно точный результат (ОП НКРЯ);
- (18) А так как это было в 9 веке / за это время появилось больше понимающих людей / (УП, публичная речь);
- (19) Всегда творческая интеллигенция больше всего говорит о деньгах/ **как это ни** странно... (УП, публичная речь);
- (20) Мне в лом... **как это ни** прискорбно (УП, непубличная речь);
- (21) Нас ждёт институт / **как это ни** печально. (УП, киноречь);
- (22) ситуация была такая / что *Н Псков оплатили // так как это всё равно будет (...) / ну как командировочные / *П два дня // (ОРД).

3.2.4. Как это при риторическом повторе (как частица)

Во всех приведенных выше случаях «соседство» *как* и *это* оказывается синтаксически вполне обусловленным, но не приводящим к созданию какой бы то ни было цельной единицы. Однако при анализе материала был обнаружен некоторый массив примеров, где *как* предполагает за собой употребление *это*. Ср.: «[частица *как*] употребляется для выражения удивления, негодования и т. п. по поводу какого-л. качества, свойства, действия, состояния. <...> В сочетании со словами „так“, „это“ и частицей „же“ (как это, как это так, как же это так и т. п.)» (Словарь русского языка 1999). Кроме того, «[усилительная частица *это*] усиливает значение

предшествующего ей местоимения или наречия в составе вопросительных предложений» (Словарь русского языка 1999). Обратимся к примерам:

- (23) **Как это** не успела влюбиться! Он сделал Тане предложение / и она согласилась (УП, публичная речь);
- (24) [№ 4, жен] А никак. [№ 5, муж] **Как это никак?** [№ 4, жен] А вот так (УП, публичная речь);
- (25) **Да как это** он дома жить не будет? (УП, непубличная речь);
- (26) [Ю.К., жен] Да оставь ты ее в покое / [Ю.Л., жен] **Как это в покое?** Она меня в покое не оставит / Они всё грызут / Вон Политов рассказывал у него крыса была / у него она все телефонные провода прогрызла (УП, непубличная речь);
- (27) [Леша, Л. Барац, муж, 37, 1971] А зачем нам голос Бардо? [Саша, А. Демидов, муж, 38, 1970] **Как это / зачем?** Это распоряжение начальства! (УП, киноречь);
- (28) [Некрасов, Ю. Никулин, муж, 54, 1921] Ну здесь же не обозначено. [Поприщенко, И. Лапиков, муж, 53, 1922] **Как это не обозначено?** Вон видишь / люди расставлены / столбики забиты (УП, киноречь);
- (29) пользуется ли льготами ваша мать ? Коля говорит нет // *П вышел / я при адвокате говорю / как это она не пользуется ? она пользуется льготами Игоря ! (ОРД);
- (30) – ты в двух тысяча втором / закончила колледж ? *П
– я не помню // *П **как это не помню ?**
– ну не помню я (ОРД).

В ряде случаев при таком употреблении форма исходного предложения повторяется в ответной реплике. Ср.: «[частица *как* употребляется] для выражения удивления, сомнения, недоумения по поводу какого-л. вопроса или утверждения (обычно с повторением одного или нескольких слов из речи собеседника)» (*там же*). Подобные сочетания можно определить как конструкции: их появление рядом при передаче «удивления, сомнения, недоумения» взаимообусловлено в предложении. Этот случай можно назвать единственным словарно зафиксированным.

3.3. О «реконструкции» конструкции

В ходе исследования особое внимание в материале устной речи обратили на себя поисковые обороты. В процессе коммуникации говорящие обращаются к себе или к собеседнику с вопросом, пытаюсь припомнить

забытое слово или выражение (или выиграть время, чтобы сформулировать свою мысль). Ср.:

- (31) *Я знаю / что из-под твоей лёгкой руки вышли такие звёзды теперь нашего / **как это называется** / шоу-бизнеса / да / тэвэ-бизнеса / радио-бизнеса / это Алла Довлатова / Тина Канделаки (УП, публичная речь).*

В данном примере (31) говорящий приводит сразу несколько синонимичных вариантов продолжения своей речи. В ряде случаев такой поиск может вызывать трудности, которые говорящий выражает вербально (подчеркнуто в примерах ниже):

- (32) *а также тебя пускают в такой / даже не знаю / **как это сказать** / вольерчик / где пасутся маленькие пятимесячные / четырёхмесячные лосята (УП, публичная речь);*
- (33) *Ээ / прочитала на СПК новость / что жертвой мошенничества двух женицин-цыганок / ээ / стала студентка МГИМО / которую они / ээ / **как бы** / **как это сказать-то** / ээ / ну / то есть вот по своей схеме... (УП, публичная речь);*
- (34) *я не знаю / **как это называется** / ну типа / буквы и звуки... короче / фонетика и буквенное обозначение // слово типа «дом» // «о» / замкнутое какое-то пространство / там ещё что-то / по буквам и звукам он пытается (УП, непубличная речь);*
- (35) *И когда / нам немка / э-э м-м... подарила / э-э... м-м... вышила э-э... м-м... э-э **как это сказать** э-э м-м... мешочки / для... ночные рубашки (УП, непубличная речь);*
- (36) *Ну вот я не знаю / вот как это называется / там такие... ну... змее... змеепитомники или... се... серпентарии / **как это вот называется** (УП, киноречь);*
- (37) *А правда / что это... **как это твой называется...** кореш в детской комнате милиции на учёте состоит? (УП, киноречь);*
- (38) *ты знаешь / оказалось / что у него какое-то как забыла / **как это называется** // *П дефект в(:) кишке // *П (эм) ка... ну типа как аппендиксы / типа как () вот эти (ОРД);*
- (39) *вот там же / я просто точно такие же / у них был чуть-чуть по-моему ниже (э-э) это(:) **как это называется** / подошва / да / платформочка / и тоньше каблучок / они изящнее // эти такие как бы ... (ОРД).*

В большинстве контекстов, встретившихся в материале исследования, варианты подобного поискового сочетания – *как это называется / как это*

сказать. Как упоминалось выше, говорящий подбирает продолжение для своей речи. Такой поиск может быть удачным (слово или сочетание сформулировано говорящим), ср.:

- (40) *У меня такой вопрос. Вы / в книгах / ээ Григорь Петровича встречали... **Как это сказать-то?** Ну информацию о возможности воскрешения? (УП, публичная речь);*
- (41) *не / плата / она м... рассчитывается в первую очередь из рыночных... ээ... из рыночной с^итуэе... **как это сказать...** Определяется рыночной ситуацией (УП, публичная речь).*

В примерах (40)-(41) говорящий самостоятельно находит необходимую формулировку: в первом случае – практически без раздумий, за поисковой конструкцией следует продолжение (*информацию о возможности воскрешения*); в примере (41) говорящий формулирует высказывание три раза (*рассчитывается в первую очередь из рыночных, из рыночной с^итуэе, определяется рыночной ситуацией*).

- (42) *Я имею в виду... а... **Как это называ...** а... копилка. *Копилка в виде сейфа просто сделана* (УП, непубличная речь);*
- (43) *нужно было м... они пошли / **как это называлось...** в общем короче говоря им / им в виде поощрения / советскую семью они значит новую здоровую создавали / им дали талон/ на мануфактуру (УП, непубличная речь).*

В примере (42) представлена типичная ситуация поиска в устной речи: запинки, обрыв, повтор (*а...а, как это называ...*). В итоге слово (*копилка*) самостоятельно найдено говорящим. В примере (43) говорящий ищет не слово, а пытается описать целую ситуацию. Начав с *они пошли*, он, вероятно, решает, что всю ситуацию (куда и зачем пошли) пересказывать нет смысла, сразу переходит к результату, как бы «сворачивает» высказывание (с помощью дискурсивных маркеров *в общем короче говоря*) – *им в виде поощрения дали талон на мануфактуру*.

- (44) *В общем / не знаю. Не помню / как это звучит. Ну / в общем / умная такая фраза... *Очень умная* (УП, киноречь);*
- (45) *меня(:) начальник направил / а(:) он делал // *П и он же(:) делал(:) / как это правильно ? *П сказать (э-э) / ну(:) ре... реабилитацию он тоже(:) (...) у меня ве... ве... вёл / я тоже две недели лежал (ОРД);*

- (46) **П как это звучит ? *П по-немецки // *П я тебе потом скажу // надо (...) изучить источник (ОРД).*

В контексте (44) перед нами также ситуация «сворачивания высказывания»: говорящий, не сумев точно воспроизвести фразу (*в общем не знаю, не помню*), дает ей характеристику (*умная такая фраза*). В примере (45), разнообразно представлены невербальные hesitationные явления (растяжки звуков *ну(:)*, неречевые звуки (*э-э*), обрывы *ре...реабилитацию, ве...ве...вел*), свойственные ситуации поиска. Кроме того, в данных контекстах представлен еще один вариант поисковой конструкции – *как это звучит* (помимо этого, в материале встретились в небольшом количестве контексты с *как это говорится, как это говорят, как это по-русски* и др.).

В большинстве контекстов поиск говорящими производится в ситуации диалога. При возникших трудностях они могут обращаться с вопросом как к самому себе, так и к собеседнику, и нередко именно собеседник помогает построить коммуникацию, ср.:

- (47) *Ну / я там проработала очень недолго / потому что когда вот в 50-м году произошла эта самая... как это называлось тогда? Это была дискуссия? Дискуссия* (УП, публичная речь);
- (48) *как это называется / Лимитский переулоч что ль* (УП, непубличная речь).

В контексте (47) говорящий, обращаясь с вопросом, вероятно, и к себе, и к собеседнику, сам подтверждает только что произнесенный вариант (*Это была дискуссия? Дискуссия*). В примере (48) говорящий как будто «отстраняется» от только что произнесенного (рефлексив *что ль*), возможно, он не уверен в достоверности своего высказывания.

- (49) *Теперь она сама себя эээ...как это называется? Почкует. Да? То есть / вот как рассол* (УП, публичная речь).

Иначе обстоит дело в примере (49): говорящий, найдя сначала слово (*почкует*), в дальнейшем ставит его под сомнение (*да?*) и пытается как-то иначе пересказать ситуацию (*то есть вот как рассол*).

В приведенных ниже контекстах собеседник активно помогает говорящему в подборе слов:

- (50) – «Гибель Надежды» / то есть не «Гибель Надежды»... **Как это называлось?**
– «Гибель Надежды» (УП, непубличная речь);
- (51) – **А как это называется/ вот когда воздухом отталкивает // Гидро... / аэро... /**
– Аэростат (УП, непубличная речь);
- (52) – **И-и / Альсан Санч считал / что моя ма... мать / несмотря на петербургское своё так сказать... [к Р] Как это сказать?**
– Происхождение (УП, непубличная речь);
- (53) – **как это называется / старинное ?**
– фисгармония (ОРД);
- (54) – **наверное это будет там / как это называется ...**
– второстепенный член (ОРД);
- (55) – **как это называется ?**
– «На Речке» (ОРД).

Во всех примерах (50)-(55) поиск, начатый говорящим, заканчивается репликой собеседника. В примере (50) говорящий сомневается в правильности своей версии («Гибель Надежды», то есть не «Гибель Надежды»), собеседник лишь ее подтверждает («Гибель Надежды»).

В контексте (51) говорящий пытается самостоятельно вспомнить слово (*гидро... аэро...*), а собеседник называет его целиком (*аэростат*).

В примерах (52)-(55) собеседники включаются в диалог и подсказывают говорящему нужные слова, исходя из контекста ситуации.

Отдельного внимания заслуживает такой контекст:

- (56) *Вот / и / в этом смысле конечно нам важнее всё-таки удержать / их / интерес / и их субъектность вот это вот извините за плохое слово / ну / **как это** индине... индивидуальность плохое слово и субъект / а / **как это** скасть / способность владеть ситуацией (УП, публичная речь).*

Этот пример (56) интересен для комментария с разных сторон. Во-первых, перед нами типичная ситуация поиска подходящего слова. Говорящий подбирает корректное определение: его не устраивает первый вариант (даже немного измененный – *субъектность* → *субъект*); не устраивает второй (при произнесении зафиксирована запинка – *индине... индивидуальность*); кажется, не сумев подобрать конкретное слово,

говорящий останавливается на описательном обороте – *способность владеть ситуацией*. Кроме того, в высказывании присутствуют и другие маркеры, сигнализирующие о затруднениях говорящего (*ну, вот это вот*). Волнистой линией в примере подчеркнуты метакоммуникативные вставки говорящего (его собственные комментарии по поводу только что произнесенного текста; первые два варианта определения его не устраивают).

Наконец, собственно поиск слова в устной речи маркируют два оборота – *как это* и *как это сказать*. Оба оборота обозначают hesitantный поиск и в речи функционируют одинаково: говорящий находит слово (самостоятельно – сразу или дистантно – или с помощью собеседника), преодолев свои сомнения в выборе правильной формы. Таким образом, есть основания говорить о происходящей в устной речи компрессии избыточных элементов (экономии речевых усилий). Понятно, что после *как это* подразумевается какой-то глагол с семантикой названия, но говорящими он уже не произносится (см. рис. 1).

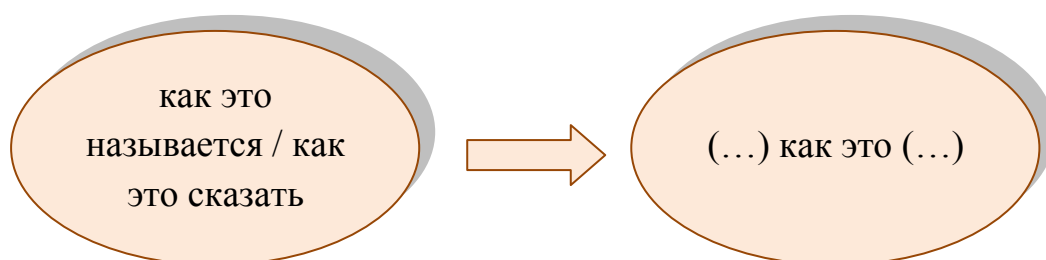

Рис. 1. «Реконструкция» конструкции

Обратимся к контекстам с конструкцией *(...) как это (...)* без глагола названия. Они были обнаружены во всех отобранных для анализа блоках Устного подкорпуса НКРЯ, ср.:

<i>(...) как это (...)</i>	«реконструкция» конструкции
<i>Вот этим очень много занимаются помощники / конечно / они начинают / как это / расстраиваться / но мы каждую специальность будем стеречь (УП, публичная речь)</i>	
<i>Очень важно для сайта / чтобы была вся</i>	

<i>информация по... как это... по структуре института</i> (УП, публичная речь)	<i>как это называется / как это говорится / как это сказать / ...</i>
<i>Это начинается / ну / на материке это уже / для него как-то это / как это / взлётная полоса</i> (УП, публичная речь)	
<i>Что это было / он явно был / он ещё как это... физическое тело был</i> (УП, непубличная речь)	
<i>Ммм / просто вечеринка / просто / как это / встреча / да?</i> (УП, непубличная речь)	
<i>Просто для этого нужен ну какой-то... этот самый... как он... день рождения... или там... как это... восьмое марта / вот / но я не собираюсь этим заниматься / нет</i> (УП, киноречь)	
<i>Он был по... ком... ой / как это... помощник взвода</i> (УП, киноречь)	

В каждом приведенном примере можно «реконструировать» поисковую конструкцию (...) *как это* (...), восстановить ее до полного поискового выражения *как это называется / как это говорится / как это сказать*.

Предполагалось, что в блоке ОРД ЗКРЯ, где представлена максимально естественная повседневная устная речь, будет обнаружено больше разновидностей таких усеченных поисковых конструкций (...) *как это* (...), следовательно, можно подробно рассмотреть особенности ее функционирования. Анализ контекстов преимущественно ОРД ЗКРЯ и составил основу следующего раздела.

3.4. (...) как это (...) как вербальный хезитатив

В блоке ОРД ЗКРЯ представлена максимально спонтанная речь. Рассмотрим подробнее те случаи, когда конструкция (...) *как это* (...) функционирует в спонтанной речи в качестве вербального хезитатива (ВХ).

3.4.1. Поисковый маркер

Первая и наиболее разнообразно представленная в материале функция исследуемой конструкции – *маркер хезитационного поиска*. Можно даже

сказать, что (...) *как это* (...) почти во всех своих употреблениях имеет тройную природу: *хезитация*, *метакоммуникация* и *поиск*. Иными словами, с ее помощью говорящий вербализует свои затруднения в подборе следующего слова или фрагмента речи, обращая при этом либо к самому себе, либо к собеседнику. Эта общая особенность употреблений исследуемой конструкции часто осложняется различными дополнительными прагматическими нюансами.

(57) *всё // *П ну вот я и (...) начал (э-э) в этой работать // *П а потом это / (...) перешёл на () как это Комтрест§ / перед это / *В на Самсон§ // *П я пошёл работать (ОРД);*

(58) *а как это под... подставлялы / которые разводят // это ж в Москве / под Москве / по Моск... / Подмосковье знаешь там / просто катается там тридцать бригад / круглосуточно / *В подставы ма... автомобильные (ОРД);*

(59) *ну просто у нас как это / (...) новость такую дали / что я / в первый момент как увидела / мне аж дурно стало (ОРД);*

(60) *вот такие мои вкратце дела / на работе конечно(:) это самое ... *П как это (...) дурдом / ну как всегда (ОРД).*

Во всех приведенных примерах говорящим производится хезитационный поиск. На затруднения при подборе слова указывают паузы колебания и другие вербальные хезитативы. Так, в примере (57) видим паузы, неречевые звуки (э-э) и другие ВХ (*ну вот, а потом это, перед это*). Поиск в данном случае можно считать успешным, так как искомое слово найдено практически сразу же (*как это Комтрест§*) и самостоятельно (без помощи собеседника).

В контексте (58) слово, найденное после использования говорящим конструкции (...) *как это* (...), произносится с запинкой (вероятно, он не был до конца в нем уверен). Однако последующее использование однокоренного слова *подставы* указывает на то, что, вероятно, именно такую субстантивацию – *подставлялы* – и хотел произвести говорящий.

В примерах (59)-(60) искомое слово произнесено после некоторой заминки, в случае (60) при поиске выстроена целая цепочка из нескольких

ВХ (конечно(:) это самое ... как это). Отметим, что речевое колебание редко когда может быть представлено только одним маркером, чаще всего в речи выстраиваются целые цепочки как вербальных, так и невербальных хезитативов.

Во всех случаях в контекстах (57)-(60) искомое слово найдено самим говорящим. Однако в ряде случаев в коммуникацию включается и собеседник, ср.:

- (61) – *а из недорогих я (:)* вот это люблю (:) / **как это** *Настя / фирма там? *П*
– *Исток ты любишь //*
– *беслановский Исток (ОРД);*
- (62) – *и потом у нас было очень сильное вот (э) / логопед говорил / грассирующее эр / *В которое сейчас даже уже / логопеды / они относят / *В уже хотят это / столько нарушений / хотят оставить как это //*
– *к норме отнести//*
– *да / к норме (ОРД);*
- (63) – *так / как это *Н ? *П*
– *досуг //* *П причём культурный / вы... заметь / *П а не как / *П в среду(ОРД);
- (64) *ну / знаешь / вот в каком-то месте (...) как это ? *П ну то есть (...) во () во время бы //* *П да да да да (ОРД).

В примере (61) говорящий прямо обращается к собеседнице за помощью в припоминании названия (*как это Настя / фирма там?*). Слово *Исток* найдено не самим говорящим, он в своей последующей реплике только повторяет его и уточняет – *беслановский Исток*.

В примере (62) говорящий, возможно, сам не до конца осознает, какое именно слово он ищет (даже, скорее, не слово, а целое высказывание, развернутую номинацию): *они относят – уже хотят это – хотят оставить как это*. И опять на помощь приходит собеседник (*к норме отнести*), а говорящий, повторяя, соглашается с ним (*да / к норме*).

Контекст (63) представляется сложным для однозначной трактовки, так как важный фрагмент высказывания потерял (*Н или *нрзб*). Но из того, что говорящий явно задавал какой-то вопрос, а первой (ответной) репликой стало

слово *досуг* (а уже далее шло уточнение), можно предположить, что именно такую формулировку и искал говорящий, а собеседник ему помог.

Контекст (64) также сложен для анализа. В этом примере представлен телефонный разговор, и ответные реплики коммуниканта восстановить невозможно. Опираясь только на слова говорящего, можно заметить, что порождение речи сопровождается значительными трудностями: *ну знаешь вот, как это, ну то есть (...) во () во время бы*, после чего речь, после паузы, продолжается повторяющимися маркерами согласия (*да да да да*). Вполне возможно, что в ответной реплике собеседник подсказал говорящему искомое слово, с чем тот и согласился. Таким образом, опять во всех приведенных примерах (61)-(64) поиск можно считать успешным.

В некоторых контекстах поиск формально не удался, однако коммуникацию все же можно считать успешной, ср.:

(65) – *ещё может быть будем с соком на... / эту самую // *П (э-э) эту // *П ну... на... как это ?*
– *я знаю / да* (ОРД);

(66) – *а раньше вот (э-э) где(:) (в-в) вот эта биржа (м-м) как это / музей-то // *В*
– *а(:) / знаю знаю знаю / я поняла //*
– *о(:)й / не морской *Н //*
– *да да да* (ОРД).

В примере (65) перед нами опять цепочка вербальных хезитативов (*на... эту самую, э-э, эту, ну... на... как это*). Формально слово в микродиалоге так и не найдено ни говорящим, ни его собеседником, однако ответной репликой *я знаю / да* собеседник дает понять, что в точном слове нет надобности, все понятно и так, коммуникацию можно продолжать. Та же ситуация видится и в примере (66): говорящий пытается самостоятельно подобрать нужное название (*вот эта биржа, музей-то, не морской*), в своих ответных репликах его собеседник показывает, что это и не нужно (*знаю знаю знаю, я поняла, да да да*). При этом реплика *да да да* представляет собой несмысловое средство выражения обратной связи, или *backchannels* — «краткие нелексические высказывания слушателя во время речи другого собеседника» (Тао,

Thompson 1991: 210). Видно, что такая реплика произнесена собеседником для поддержания коммуникации. Н. Р. Добрушина, вслед за Е. А. Schegloff подчеркивает, «что все эти многочисленные средства выражения обратной связи являются не столько проявлениями внимания или понимания, сколько средствами заявить о своем внимании или понимании» (Добрушина 2000: 136). Таким образом, коммуникация может считаться успешной и продолжаться, если собеседникам хватает контекста для понимания друг друга.

Как уже было показано, говорящему не всегда удастся найти точное слово или устраивающее его продолжение высказывания. Обратимся к таким примерам:

- (67) *проблема (м-м) которую она поднимает это для (э) там детей младшего возраста // соответственно я () так очень (м-э) скептически сначала отнёсся ... говорила ну а как это самое (э) вот для детей это уже (э) оформлять то со... собственно надо вот красиво ... *П ярко весело там (м) это в общем ... @ наглядно (ОРД);*
- (68) *сейчас она как тебе / как это / за руку хав хав (ОРД);*
- (69) *– да я понятия не ... а / это (э) как это / из Лего\$ // – такое вот // *П это тоже этот самый / небось какой-нибудь ... этот самый // ну эти большие (ОРД);*
- (70) *и там написано что как раз вот это вот ... (а) как это () жадность да ? ну что типа там они не платят тоже как оправдание / на самом деле просто ты им не нравишься типа / вот из этого разряда (ОРД);*
- (71) *– как фамилия врача ? *П
– ну ведь / (...) ну (...) как это ? *П
– терапевт какая ?
– терапевт / да // *П ну всё / *П *Н(Кутеев) /
– там / *П *Н (ОРД).*

В примере (67) говорящий в процессе поиска подбирает несколько синонимов (*красиво, ярко, весело*), но ни одно его полностью не устраивает, о чем свидетельствует окончание фразы – подыскивается иное выражение (*там (м) это в общем*). Такие сомнения вызывают ответную реплику собеседника (*наглядно*). Поскольку говорящий не повторяет это слово или

как-то иначе не соглашается с предложенной подсказкой, невозможно сделать вывод, что именно это слово он и искал. Однако коммуникация продолжается – вероятно, такого набора синонимов хватило обоим собеседникам, чтобы понять контекст ситуации (как нужно оформлять праздники для детей).

В примере (68) кажущийся очевидным глагол *покусает* заменен говорящим на выражение *за руку хав хав* (возможно, в каких-то игровых целях, или такое продолжение подсказано контекстом ситуации).

В контексте (69) и говорящий, и его собеседник пытаются вспомнить название серии игр «Лего», но поиск в этом случае не кажется успешным.

В примере (70) говорящий обращается к собеседнику с вопросом-уточнением (*жадность, да?*), а потом продолжает свое высказывание. Возможно, у него не было цели уточнить правильность употребления в данном контексте слова *жадность*, а просто говорящему необходимо было обратить внимание собеседника на свое высказывание в целом (поисковая функция в случае конструкции (...) *как это* (...) всегда сопряжена с метакоммуникацией).

В контексте (71) собеседник не пытается помочь говорящему в его гезитационном поиске, а требует прямого ответа, возможно, поэтому ответ получается несколько скомканным и неточным (*ну ведь, (...) ну (...), как это, ну всё*).

Таким образом, можно сделать вывод, что гезитационный поиск в речи может производиться говорящим как самостоятельно, так и с помощью собеседника. Результат такого поиска может быть удачным (слово или высказывание найдено, коммуникация продолжается), неудачным (слово или высказывание не найдено, коммуникация прерывается) или формально неудачным (слово или высказывание не найдено, но собеседник «включен» в поиски готов продолжить коммуникацию, «пропуская» неудобный фрагмент).

3.4.2. Маркер нетривиальности последующей реплики

Не всегда результатом поиска оказывается отдельное слово (фраза), иногда это может быть устойчивое сочетание, ср.:

- (72) *ой-ой-ой / *П ну (:)* *знаете / как это/ вашими устами / да мед пить / *П вот // *П это вы с... ()* *этим самым / с мальчиком с моим / замечательным (ОРД);*
- (73) *но при этом блин / *П чувствуешь такое опустошение ! внутри (в натуре?) катарсис чувствуешь // как это блин ()* *Грачева говорила надо // *В очищение через страдание // # *Н после Триумфальной_арки он написал её вторую часть (ОРД);*
- (74) *это вот вообще то вот так цветок торчал # ага //это я в это / как это / в зелёной стране снял (ОРД).*

Можно предположить, что во всех этих случаях говорящие искали именно такие образные формулировки своей мысли, поэтому и в своей речи заранее привлекли к этому внимание собеседников с помощью, в том числе, конструкции (...) *как это (...)* – в данном случае, маркера *нетривиальности последующей реплики*.

В контекстах (72)-(74) эта нетривиальность более или менее очевидна: в (72) найдена известная пословица *вашими устами / да мед пить*, а в (73) – также известное философское понятие *очищение через страдание*. В примере же (74) вряд ли возможно говорить об однозначной трактовке: либо это удачный поиск, а *зеленая страна* – эвфемизм, понятный собеседникам из расширенного контекста; либо говорящий произвел эту замену нарочно и тем самым привлек внимание своего коммуниканта.

Отдельно рассмотрим следующий пример:

- (75) – *и выглядел он так знаешь как-то (...) сейчас конечно получше он стал выглядеть ну так типа возмужал там знаешь ... ну и то / знаешь вот это вот () ну как это / на рыбье рак ... рыбки(?) (и) вот как это выражение-то ? как обычно //*
– **С что ? *С*
– *на безжиреб(?) на безрыбье рак рыба / что-то *Н // блин что за выражения / у меня вечные проблемы с ними // ну вот / *П / ну короче да //*
– *ну я поняла про что ты говорила(?) (ОРД).*

Здесь говорящий явно ищет известное устойчивое выражение, но сталкивается с некоторыми трудностями. Обращают на себя внимание цепочки вербальных хезитативов (*знаешь как-то, ну так типа, там знаешь, знаешь вот это вот, ну как это*) и обильные метакоммуникативные вставки (*вот как это выражение-то, как обычно, блин что за выражения, у меня вечные проблемы с ними*). В итоге выражение все же сформулировано говорящим (*на безрыбье рак рыба*), но собеседник и сам все понял из контекста (*ну я поняла про что ты говорила*).

Подобное употребление рассматриваемой конструкции обнаруживается и в УП НКРЯ, ср.:

- (76) *Я знал огромное количество людей / как это у нас говорят / в рабочем классе / изумительных / интеллигентнейших людей / которые настолько были с чувством собственного достоинства / в отличие от очень многих интеллигентов* (УП, публичная речь);
- (77) *предал меня друг детства / допрашивает / как это говорят большевики / товарищ по классу / и который / заметьте / не хочет / чтоб его называли господином* (УП, киноречь);
- (78) *Короля он так хорошо / как это говорится на деловом языке / обслуживает и снабжает / что государь ничего не хочет слышать...* (УП, киноречь);
- (79) *Они могут делать что угодно / а ты / как это у Пушкина / «но ты пребудешь твёрд / спокоен»* (УП, публичная речь).

В контекстах (77)-(78) говорящий как будто отстраняется от того, что сейчас произнесет – это привычно не для его речи, а просто близко к тому, *как это говорят большевики* и *как это говорится на деловом языке*. Эту же трактовку можно усмотреть в примере (76) – здесь, возможно, наоборот, привычное для говорящего (*как это у нас говорят в рабочем классе*), может оказаться нетривиальным для собеседника, поэтому тоже выделяется в речи.

Что касается примера (79), то здесь говорящим припоминается точная цитата.

3.4.3. Рефлексив

В рамках данного исследования *рефлексивы* рассматриваются как «разновидность *прагматем* устной речи (здесь и далее в цитатах курсив

автора. – Т. В.)» (Богданова-Бегларян 2015: 12). Зачастую при хезитационном поиске «говорящий <...> каким-то образом выражает свое отношение к результату этого поиска: либо остается в состоянии неуверенности, что нашел именно то, что нужно, либо снимает с себя ответственность за сказанное, вербализует это отношение “отстраненности”, используя различные конструкции с общим значением ‘если я не ошибаюсь’ или с риторическим вопросом типа *так ли?* Поскольку эти конструкции возникают чаще всего как рефлекс говорящего на произведенный им хезитативный поиск, то их уместно назвать *рефлексивами*» (там же: 13). Ниже приведены примеры хезитационного поиска с последующей рефлексией из УП НКРЯ:

- (80) *То есть вы хотите сказать / им стыдно **или как это назвать?*** (УП, публичная речь);
- (81) *А когда я посчитала / ну я не знаю там / отклонение **что ли или как это называется** геометрическое...* (УП, непубличная речь);
- (82) *Ну вот / а-а как вы в ш... учились ли где / в школе там / **или как это?*** (УП, непубличная речь).

В примере (80) говорящий выдвигает предположение на какую-то реплику собеседника по поводу третьих лиц (*им стыдно*), а с помощью рефлексива *или как это назвать* будто запрашивает одобрение или отрицание своего определения.

Сомнение говорящего в правильности употребления слова (*отклонение*) в примере (81) выражено несколькими способами (*ну я не знаю там, что ли*), а также рефлексивом.

В контексте (82) говорящий тоже не сразу произносит искомое слово (*школа*), этому предшествуют вербализованные сомнения (*а-а, ну вот, ш..., там*). И опять реплика заканчивается «отстранением» от собственных слов, рефлексией.

Рассмотрим подобные контексты из ОРД ЗКРЯ:

- (83) *были (э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их ? лямблии ? или как это ?* (ОРД);

- (84) *возникают ли у вас языковые трудности в общении с людьми установлении их взаимоотношений ? *П но мне кажется ... *П я затрудняюсь ответить // *В *П мне кажется что вот / такие трудности всё-таки есть / во всяком случае я чувствую что вот / (э-э) меня не всегда понимают / что я хочу сказать // *П *В считают слишком заумным и(:) слишком абстрактным мыслящим / *П вот таким / оторванным от действительности / **как это** (ОРД);*
- (85) *да / конечно / как видишь / что(:) объёмно не объёмно / **как это*** (ОРД).

В примере (83) говорящий, подобрав редкое слово (*лямблии*), сразу рефлексивует: переспрашивает себя, правильно ли он его употребил.

В контексте (84) говорящий приводят ряд близких по значению (и вполне «нетривиальных») определений (*слишком заумный, слишком абстрактно мыслящий, оторванный от действительности*), ни одно из которых его не удовлетворило, что он и выразил с помощью рефлексива *как это*.

Что касается контекста (85), то здесь говорящий использует одну из фразеологизированных конструкций (*фразеомоделей*³), выражающих в русском языке нечеткую номинацию: *X не X (объёмно не объёмно)*, то есть *то ли X (объёмно), то ли не X (не объёмно)*, о чем человек не может говорить с уверенностью, что и вынуждает его рефлексивовать: *как это*. Термин «нечеткая номинация» используется, в частности, В. И. Подлесской, ср.: «...имеется особая группа лексем, грамматических конструкций и просодических конфигураций, которые позволяют осуществить нечеткую, или приблизительную, номинацию. Эта группа средств реализуется в контекстах, где прямое точное название объекта или положения дел оказывается невозможным или нежелательным» (Подлесская 2013: 620). В зарубежных исследованиях для выражения нечеткой номинации используется термин *hedging* – «a rhetorical strategy that attenuates <...> the full

³ Под *фразеомоделью* А. Г. Хорошавина предлагает понимать «синтаксическую конструкцию, находящуюся на определенной стадии фразеологизации, грамматическая и семантическая природа которой носит явный переходный характер» (Хорошавина 2003).

semantic value of a particular expression» («риторическая стратегия, с помощью которой говорящий смягчает <...> семантическую ‘значимость’ какого-то элемента высказывания» (перевод мой. – Т. В.) (Fraser 2010: 15). Для реализации такой стратегии могут быть использованы различные языковые средства – отдельные маркеры или целые конструкции. В рамках данного исследования проблема нечеткой номинации и, в частности, конструкции *X не X*, не рассматривается, но она, безусловно, заслуживает отдельного внимания и анализа.

3.4.4. Неоднозначные случаи

При анализе функционирования конструкции (...) *как это* (...) в русской спонтанной речи был выявлен ряд контекстов, для объяснения которых невозможно остановиться на какой бы то ни было однозначной трактовке, ср.:

- (86) *а у них же знаешь / как это / (...) мацу делают ? *П сухое / и без () (э) соли (ОРД);*
- (87) – *ну нам некогда репетировать(?) // так фрл такой(?) шарики // смотри как это *Н // – клёво клёво да (ОРД).*

В данных примерах *как это* выступает компонентом *указательно-риторической* конструкции, в состав которой входит союзное слово и глагольные формы *знаешь/смотри*, частично утратившие свою глагольную семантику. Ср.: «такие конструкции имеют явный экспрессивный оттенок, формально они похожи на риторическую (поскольку ответ следует незамедлительно) вопросительную форму, но имеют указательно-восклицательное значение. Эту двойственность можно доказать тем, что подобные конструкции можно изменить в вопросительное СПП (сложноподчиненное предложение. – Т. В.) и утвердительное простое со словом *вот*» (курсив автора – Т. В.) (Маслова 2014: 47). Примеры (86) и (87) можно изменить таким образом:

*у них знаешь / как это
...мацу делают*

- *знаешь, как у них мацу делают*

→ *вот как у них мацу делают*

- *смотри, как это (сделано)*

→ *смотри как это(сделано)*

→ *вот как это (сделано)*

Кроме того, конструкцию *как это* в данных примерах можно рассматривать и как маркер *поиска*, а соседство со *знаешь/смотри* лишний раз иллюстрирует своеобразный «магнетизм» вербальных хезитативов в спонтанной речи, их способность притягиваться друг к другу, выстраиваться в протяженные хезитационные цепочки (см. подробнее п.3.6.). Такие глаголы призывают собеседника не отвлекаться от коммуникации, выполняя и *контактоустанавливающую* функцию.

Рассмотрим еще два примера:

(88) *слушай говорит / а мне а мне сказали / что они отдали там чьи-то деньги / ну вот //она короче (э) звонит и говорит / ну как это типа / она говорит / я ж тебе отдала / ты ж забыла (ОРД);*

(89) *я такой человек // я не могу // я вот принципиально / говорит / не могу допустить работу / которая вот / ... *В как это вот / кандидат наук / не умеет писать (ОРД).*

В контекстах (88) и (89) у конструкции (...) *как это* (...) усматривается – как возможная, гипотетическая – функция *ввода ксенопоказателя* (или маркера чужой речи), если предположить, что говорящие в обоих случаях передают в своей фразе чьи-то слова, ср.:

<i>звонит и говорит / ну как это типа / она говорит / я ж тебе отдала / ты ж забыла //</i>	<i>говорит / не могу допустить работу / которая вот / ... *В как это вот / кандидат наук / не умеет писать //</i>
<i>звонит и говорит / мол/ она говорит / я ж тебе отдала / ты ж забыла //</i>	<i>говорит / не могу допустить работу / которая вот / ... *Вмол / кандидат наук / не умеет писать //</i>

<p>Она говорит: «Я ж тебе отдала, ты ж забыла».</p>	<p>говорит: «Я такой человек, я не могу, я вот принципиально не могу допустить работу, которая вот... Как это (вот), кандидат наук, не умеет писать».</p>
---	--

При трансформации примера (88) видно, что указание на чужую речь содержится в словах *звонит и говорит* и *она говорит*, а вставка ну **как это типа** вводит этот ксенопоказатель.

Иная ситуация в примере (89): здесь чужая речь *кандидат наук не умеет писать* вводится маркером *вот*, а **как это** предшествует ему, выполняя функцию ввода ксенопоказателя; или чужую речь вводит глагол *говорит*, а далее *как это вот* уже является частью этой цитируемой речи. В данном случае *это* – усилительная частица перед наречием *как* (= как такое может быть, чтобы кандидат наук не умел писать?!).

Несомненно, что об однозначной трактовке таких примеров говорить нельзя.

3.5. Количественное соотношение употребления конструкции (...) **как это** (...) в разных функциональных типах

В данном разделе работы представлены полученные количественные данные тех функций, которые были выделены в разных блоках материала. На рисунках 2-4 наглядно представлено соотношение тех функций конструкции, которые были выделены на материале трех блоков УП НКРЯ.

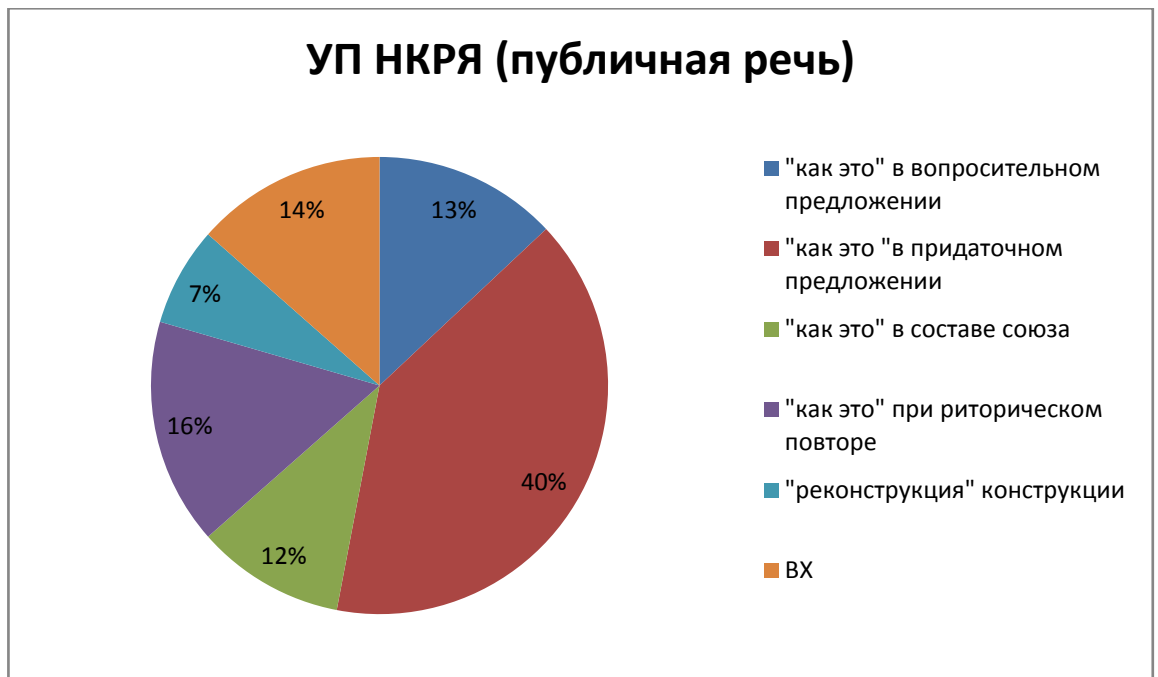

Рис. 2. Функциональные типы конструкции (...) как это (...) в УП НКРЯ («публичная речь»)

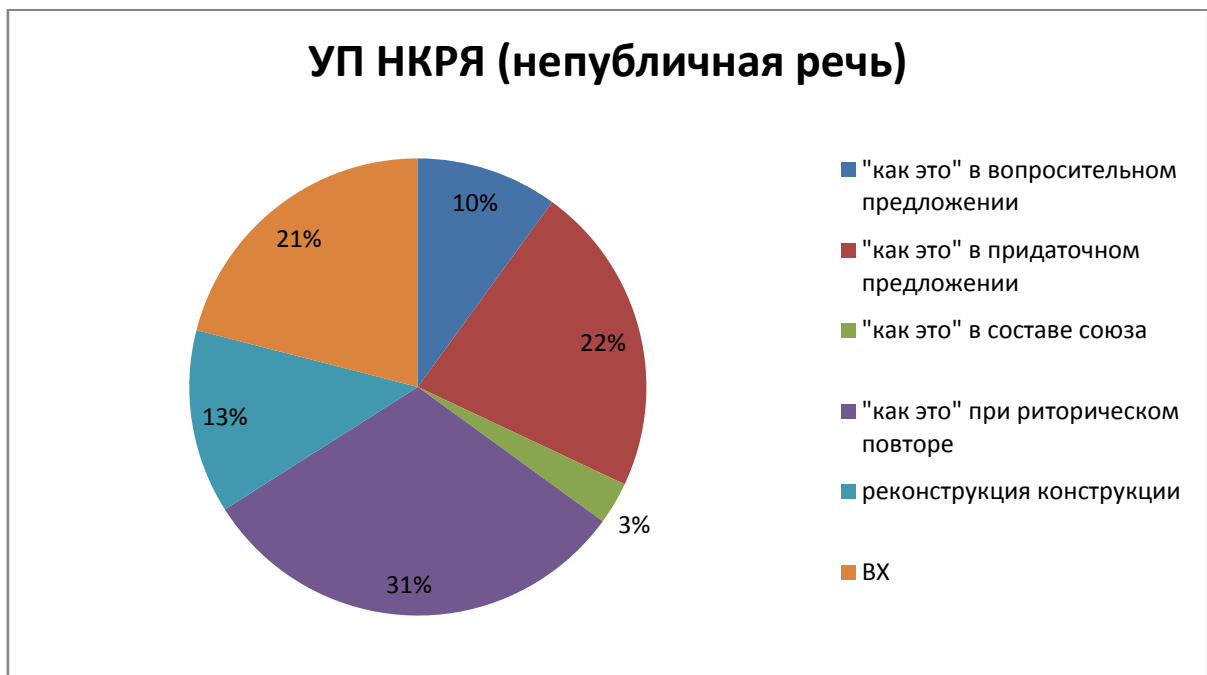

Рис. 3. Функциональные типы конструкции (...) как это (...) в УП НКРЯ («непубличная речь»)

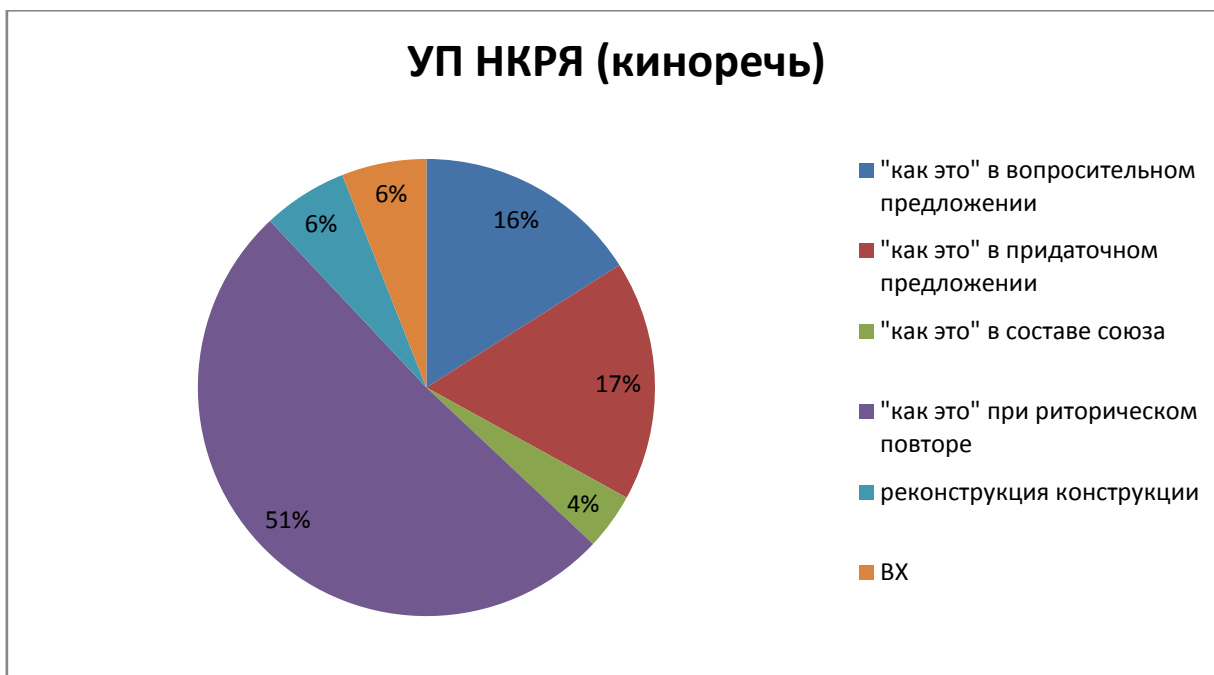

Рис. 4. Функциональные типы конструкции (...) как это (...) в УП НКРЯ («киноречь»)

Из приведенных диаграмм видно, что в каждом типе речи своя наиболее частотная функция рассматриваемой единицы: так, в блоке «публичная речь» *как* и *это* чаще всего оказываются рядом в придаточном предложении (40 %):

- *Но представьте себе / как это было сделано в экспериментах группы Чапина и Николелиса (УП, публичная речь).*

В блоке «непубличной речи» чаще других встречались контексты, где *как* и *это* использовались при риторическом повторе, частотны также примеры с придаточным предложением (22 %), и функционирование в качестве вербального хезитатива (21 %). Представляется, что именно последняя функция (ВХ) и отличает устную спонтанную речь, маркируя в ней неизбежный поиск последующего фрагмента речи (такого поиска можно избежать, если устная речь подготовленная, что частично отражено на рис. 2).

Подтверждение этой мысли предполагалось обнаружить при анализе материала блока «киноречи»: какие черты естественной речи вложат в уста своих героев сценаристы. Оказалось, что именно в этом блоке функция

конструкции, возможная только в устной речи (ВХ) оказалась представлена меньше всего (6 %). Стоит, однако, отметить, что практически половина контекстов с *как это* в блоке «киноречи» – употребления при риторическом повторе (51 %). Такие употребления оказались частотными и в блоке «непубличной речи». Можно предположить, что в представлении сценаристов именно такое употребление придает речи киногероев максимальную естественность.

Что касается контекстов, взятых из блока ОРД ЗКРЯ, то показалось важным представить то разнообразие ВХ (...) *как это* (...), которое удалось обнаружить при анализе материала. На рис. 5 представлены все выявленные прагматические возможности этой конструкции устной речи.

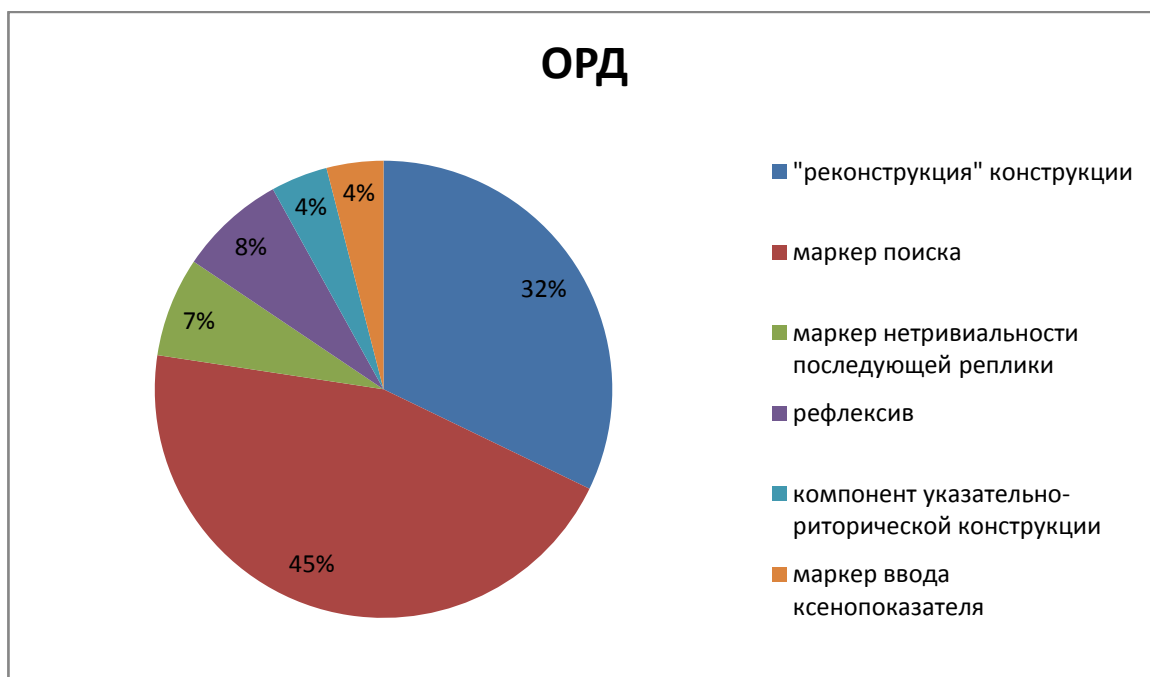

Рис. 5. Функциональные возможности конструкции (...) *как это* (...) как ВХ (блок ОРД)

В качестве вербального хезитатива конструкция (...) *как это* (...) встречается в блоке ОРД 53 раза (что составляет 39 % от всех употреблений *как и это*).

В результате анализа употребления этой единицы в нескольких блоках материала, представляющих устную речь, видно, что наибольшее распространение функция, свойственная только устной речи – функция

поискового вербального хезитатива, – получила в блоках УП НКРЯ «непубличная» речь и ОРД ЗКРЯ. Это лишний раз обращает внимание на богатство материала устной речи и возможности анализа функционирования в ней различных языковых единиц. Ср.: «Слова-паразиты – вовсе не паразиты. У них так же, как и у других языковых ресурсов, есть четко очерченные функции. Вообще единиц, лишенных функции, в языке не существует» (Подлесская: 2016).

3.6. О возможном окружении ВХ (...) как это (...)

Как упоминалось выше, вербальные хезитативы редко встречаются в речи в одиночном употреблении. Чаще всего они выстраиваются в более или менее протяженную хезитационную цепочку. Во многом это свойственно именно поисковым маркерам, что определяется трудной речевой ситуацией: в спонтанной речи неизбежно возникают паузы, обусловленные подбором следующего фрагмента высказывания. Они могут так и оставаться незаполненными вербально, а могут заполняться вербальными хезитативами. В частности, при исследовании конструкции (...) как это (...) были отдельно проанализированы те случаи, когда конструкция встраивалась в цепочку ВХ. Анализу данных контекстов посвящен настоящий раздел работы.

В ходе исследования было отмечено, что из всех отобранных корпусов материала именно в блоке ОРД ЗКРЯ представлена максимально спонтанная бытовая речь. Контексты из этого блока позволяют максимально полно в рамках данного исследования рассмотреть «окружение» конструкции (...) как это (...) как ВХ в устной речи.

В первую очередь обратили на себя внимания случаи одиночного употребления (...) как это (...), ср.:

- *сейчас она как тебе / как это / за руку хав хав // (ОРД);*
- *- и потом у нас было очень сильное вот (э) / логопед говорил / грассирующее эр / *В которое сейчас даже уже / логопеды / они относят / *В уже хотят это / столько нарушений / хотят оставить как это //*
- к норме отнести <...> (ОРД).

Однако такие примеры в подкорпусе можно считать единичными. Чаще вместе с маркером поиска можно было обнаружить паузы колебания разной длительности, заминки или сбои, ср.:

- *а как это под... подставлялы / которые разводят // (ОРД);*
- *так там удерживали / но уже так надоело / *П и ... *П как это () всё время появляется такая () мыслишка / что(;) нужно *Н / *П этому безобразию положить конец / (ОРД);*
- *ой подожди / как это / (э) не не / (а) стой / это не () это не может быть / (ОРД).*

Представлялось интересным выявить регулярное употребление (...) как это (...) с другими ВХ. Стоит оговориться, что на данном этапе материал не позволил установить конкретные закономерности употребления. Было принято условно разделить контексты на «левые» и «правые» относительно исследуемого ВХ. В общем виде схема выглядит так:

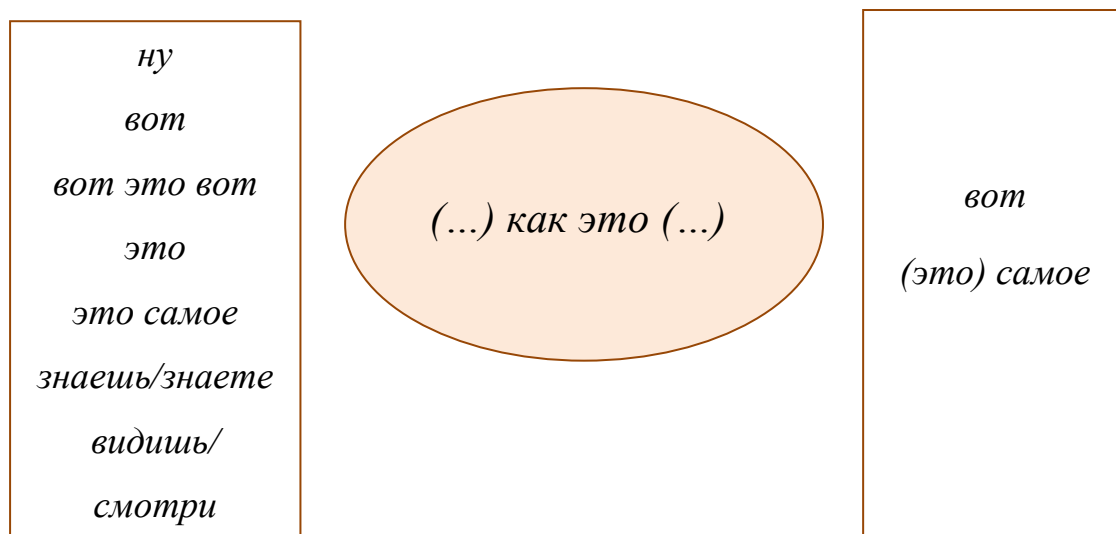

Рис.6. Возможное окружение вербального хезитатива (...) как это (...)

Из приведенной схемы видно, что «левые» контексты вариативнее. Они также могут сочетаться между собой и выстраиваться в цепочки, ср.:

- *но(;) (...) они / в этом году / такое показывали // *П как это вот / на (...) огромной скорости то он летит (ОРД);*
- *(э-э) эту // *П ну... на... как это ? (ОРД);*
- *и там написано что как раз вот это вот ... (а) как это () жадность да ? (ОРД);*

- *да я понятия не ... а / это (э) как это / из Лего\$ // (ОРД);*
- *на работе конечно(:) это самое ... *П как это (...) дурдом / ну как всегда // (ОРД);*
- *ну и то / знаешь вот это вот () ну как это / на рыбе рак ... рыбы(?) (ш) вот как это выражение то ? (ОРД).*

Последний пример в этом смысле показателен, в материале такая цепочка ВХ оказалась одной из самых длинных. Хочется обратить внимание на употребление в этом примере формы *знаешь*. В проанализированных контекстах встретилось несколько случаев, где начальный элемент цепочки, помимо собственно маркирования поиска, выполняет еще и *контактоустанавливающую* функцию. Возможно, это один из способов для говорящего «включить» собеседника в совместное построение последующей реплики. Ср.:

- *слава богу (э) // вот видишь / как это ... хорошо // а всё почему? *П благодаря твоему оптимизму ! (ОРД);*
- *ну / знаешь / вот в каком-то месте (...) как это ? (ОРД);*
- *ой-ой-ой / *П ну (:)знаете / как это / вашими устами / да мед пить / (ОРД).*

Особое внимание привлекли к себе контексты с поисковым маркером *это самое*. В случае его употребления перед (...) *как это* (...) между маркерами могут встраиваться паузы или речевые элементы, ср.:

- *ну / короче / это самое (...) короче (...) придет *Н (Дмикин?) / и сидите / типа / грустно(?) // как это / *Н (с(:)... сора...? сра?) / то есть мы со всеми пояснили // (ОРД);*
- *на работе конечно(:) это самое ... *П как это (...) дурдом / ну как всегда // (ОРД).*

В случае же употребления в постпозиции происходит некое «сращение» двух поисковых маркеров в один, ср.:

- *соответственно я () так очень (м-э) скептически сначала отнёсся ... говорила ну а как это самое (э) вот для детей это уже (э) оформлять то со... собственно надо вот красиво ... *П ярко весело там (м) это в общем ... @ наглядно // (ОРД).*

В материале УП НКРЯ подобных примеров обнаружено не было, в контекстах блока ОРД ЗКРЯ этот случай оказался единственным. При привлечении новых материалов появится возможность проверить случайность или возможную закономерность такого употребления, а также принять во внимание, что, помимо выстраивания ВХ в хезитационные цепочки, может происходить и такое «сращение» элементов.

3.7. Выводы по главе

На материале корпусов устной речи была проанализирована конструкция (...) *как это* (...). В ходе исследования удалось обнаружить как «словарные» употребления в речи сочетаний *как* и *это*, встречающихся также и в письменных текстах, так и возможности функционирования, характерные только для устной речи. Так, вербальный хезитатив (...) *как это* (...) в спонтанной речи может выступать как:

- маркер поиска;
- маркер нетривиальности последующей реплики;
- рефлексив;
- компонент указательно-риторической конструкции;
- ввод ксенопоказателя.

В работе высказано предположение, что поисковое (...) *как это* (...) оказывается компрессией полнозначной поисковой конструкции (которую, к примеру, можно «реконструировать» до *как это называется/как это сказать*). Это доказывает работу принципа экономии речевых усилий в устной речи:

КАК ЭТО называется / КАК ЭТО сказать => КАК ЭТО

Кроме того, отмечена возможность этой конструкции встраиваться в хезитационные цепочки (это обусловлено тяжелой речевой ситуацией для говорящего, когда он вербализует свои затруднения при подборе слов для продолжения высказывания). Ср.: «речевые сбои и способы их преодоления оказываются неоценимым источником информации при обращении к языку с когнитивных, социологических и психологических позиций <...> могут

рассматриваться как ключ к порождению и пониманию речи» (*Рассказы о сновидениях* 2009: 177). В работе приведены количественные подсчеты, а также возможные «левые» и «правые» контексты для конструкции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время исследования, проводимые с привлечением материала языковых/речевых корпусов, посвящены самому широкому кругу лингвистических проблем. В частности, на обширном корпусном материале можно исследовать единицы, свойственные процессу речепорождения. Анализ таких единиц, а также описание особенностей их функционирования становятся задачей отдельного лингвистического направления – *коллоквиалистики*.

В настоящей работе рассматривалось функционирование конструкции (...) *как это (...)* в устной речи. Материалом послужили несколько блоков корпусов, различных по степени естественности представленной в ней устной речи. Таким образом, стало возможным выявить особенности функционирования конструкции в разных типах устной речи и сопоставить полученные данные. Ср.: «Исследование устной речи предполагает <...> учет ее реальных механизмов. <...> Только исследуя реальную речь, можно обнаружить лежащие в ее основе механизмы. При такой постановке проблемы решение следует искать скорее в самом материале, во всяком случае, начинать движение именно от него» (Верхолетова 2010: 34).

Анализ исследуемой конструкции (...) *как это (...)* включил в себя выявление всех функциональных возможностей конструкции, как отмеченных в грамматиках и словарях русского языка, так и еще не получивших лексикографического описания.

В результате исследования можно сделать некоторые выводы и обобщения:

- высок интерес к исследованию устной речи, закономерным результатом чего может стать создание корпусов для сбора записей речи/материала, а также его последующее лексикографическое описание;
- можно говорить о видоизменении и расширении круга функций единиц языка в условиях устной речи;

- для конструкции (...) *как это* (...) был выявлен ряд функций, не отмеченных словарями и грамматиками, но встречающихся в устной речи;
- «несловарное» употребление конструкции (...) *как это* (...) в устной речи всегда связано с поиском; можно говорить о происходящей в речи компрессии поисковых сочетаний типа *как это называется/ как это сказать*, что объясняется работой принципа экономии речевых усилий;
- в определенном смысле наличие поисковой конструкции (...) *как это* (...) свидетельствует о большей степени спонтанности устной речи (в ситуации неподготовленного бытового диалога говорящий чаще сомневается при выборе последующего фрагмента речи, а также выражает свои сомнения вербально);
- в ситуации поиска вербальные хезитативы чаще выстраиваются в хезитационные цепочки (включая в свой состав и невербальные элементы), однако выявить регулярные «левые» и «правые» контексты для конструкции (...) *как это* (...) на данном этапе не удалось;
- интересной особенностью стало замеченное на материале возможное «сращение» поисковых сочетаний *как это* и *это самое* (*как это самое*).

Настоящее исследование может быть продолжено в нескольких направлениях. Так, представляется интересным исследовать все возможные вербальные выражения поиска в речи (напр., *это самое, как его (ее, их)* и пр.), описать особенности и сравнить их между собой. Подобное описание может стать полезным для лингвистов, а также для тех, кто осваивает язык и объясняет навыки и стратегии русской устной речи – для студентов и преподавателей русского языка как иностранного. Кроме того, среди возможных перспектив исследования можно выделить описание подобных единиц с точки зрения *грамматики конструкций*.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в рамках проведенного исследования был рассмотрен материал, позволяющий определить спектр функциональных возможностей конструкции (...) *как это* (...) в устной речи. Выявленные в рамках настоящего исследования функциональные особенности требуют дальнейшего более детального рассмотрения, сопоставления и лексикографической фиксации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВХ	— Вербальный хезитатив
ГК (С&G)	— Грамматика конструкций (Construction Grammar)
ЗКРЯ	— Звуковой корпус русского языка
НКРЯ	— Национальный корпус русского языка
ОП	— Основной подкорпус
ОРД	— «Один речевой день»
РР	— Разговорная речь
САТ	— Сбалансированная аннотированная текстотека
СР	— Спонтанная речь
УП	— Устный подкорпус
УР	— Устная речь

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000.
2. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1992. // Словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <http://ozhegov-online.ru/>
3. *Словарь русского языка:* В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К—О. — 736 с. // Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>
4. *Словарь русского языка:* В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С—Я. — 797 с. // Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>
5. *Словарь современного русского литературного языка:* В 17-ти т. / Под ред. В. И. Чернышева. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. Т. 5. И—К.страницы
6. *Словарь современного русского литературного языка:* В 17-ти т. / Под ред. В. И. Чернышева. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. Т. 17. Х—Я.страницы
7. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. 1938-1940 гг. // Словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakov-online.ru/about/>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608с.
2. *Богданова Н. В.* Живые фонетические процессы русской речи. Пособие по спецкурсу. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 186 с.
3. *Богданова Н. В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Выпуск 11 (18) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. — М.: РГГУ, 2012. — С. 71-81.
4. *Богданова-Бегларян Н. В.* Кто ищет — всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции. — М.: РГГУ, 2013. — С. 125-136.
5. *Богданова-Бегларян Н. В., Кислощук А. И., Шерстинова Т. Ю.* О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — Вып.2 (22). 2013. — С.7-17.
6. *Богданова-Бегларян Н. В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. — № 3, 2015. — С. 11-17.
7. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. — 408 с.
8. *Верхолетова Е. Ю.* Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи. Дис. ...канд. филол. наук. — Пермь, 2010. — 319 с. (машинопись).
9. *Воейкова М. Д.* Введение // Acta Linguistica Petropolitana. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. — СПб.: Наука, 2015. — С. 3-17.
10. *Гаспаров Б. М.* Устная речь как семиотический объект // Семантика коммуникации и семиотика устной речи. — Тарту, 1978. — С. 63-112.
11. *Гришина Е. А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. — М.: Индрик, 2005. — С. 94-110.
12. *Добрушина Н. Р.* Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания. — № 1, 2000. — С. 135-140.

13. *Захаров В. П., Хохлова М. В.* Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». — Вып. 9 (16), 2010. — С. 136-143.
14. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 532 с.
15. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа (Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов) / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 396 с.
16. *Земская Е. А.* О понятии «разговорная речь» // Русская разговорная речь. Сборник научных трудов / Под ред. О. Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. — С. 3-17.
17. *Земская Е. А.* Разговорная речь // Русский язык. Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1998. — С. 406.
18. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981. — 275 с.
19. *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Смысл и сочетаемость в словаре. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 649 с.
20. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972. — 218с.
21. *Кислощук А. И.* Опыт систематизации функции слова ВОТ в спонтанном монологе // Актуальные проблемы современной науки. Материалы международной научно-практической конференции научной сессии «XIII Невские чтения». СПб., 20-22 апреля 2011 г. — СПб., Невский институт языка и культуры, 2011 — С. 157-164.
22. *Коптев М. В.* Принципы синтаксической идиоматизации. — Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. — 126 с.
23. *Куканова В. В.* Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов). Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009. — 328 с. (машинопись).
24. *Ладыженская Б. Я.* Особенности организации устной спонтанной речи (вставные элементы в речевом потоке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1985. — 22 с.

25. *Лантева О. А.* Разговорная речь // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. — М.: Большая российская энциклопедия, 2000. — С. 407-408.
26. *Левицкий Ю. А.* К вопросу о второй коммуникации // Проблемы социологии и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Сб. статей / Отв. ред. *Е. В. Ерофеева*. — Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. — С.159-167.
27. *Лингвистика конструкций* / Отв. ред. *Е. В. Рахилина*. — М.: «Азбуковник», 2010. — 584 с.
28. *Маслова Е. Р.* Конструкция (...) *знаешь* (...) в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов. Дипломное соч. — СПб., 2014. — 65 с. (машинопись).
29. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. — М.: Индрик, 2005. — С. 6-20.
30. *Плунгян В. А.* Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки (журнал), №2 (23) / Гл. ред. *Т. Малкина* — М., 2005. — С.296-308.
31. *Подлеская В. И., Хуришудян В. Г.* О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Компьютерная лингвистики и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 21 / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. — М.: РГГУ, 2006. — С.429-439.
32. *Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. В. П. Селегей (ред.), *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции. — М.: РГГУ, 2013. — С. 619-631.
33. *Подлеская В. И.* Почему мы молчим и мычим. 2016. // [Электронный ресурс]
<http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a17389/#ixzz44Tng6Dpo>.
34. *Рассказы о сновидениях*. Корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. *А. А. Кибрик, В. И. Подлеская*. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 736 с.
35. *Русская грамматика*. Том I / Гл. ред. *Н. Ю. Шведова*. — М.: Наука, 1980. — 783 с. // Русская грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru/index1.html>.

36. *Русская спонтанная речь*. Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Тексты. Лексические материалы / Сост. В. В. Куканова / Отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 208 с.
37. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и её особенности. — М.: Просвещение, 1974. — 144 с.
38. *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983. — 79 с.
39. *Фонетика спонтанной речи* / Отв. ред. Н. Д. Светозарова. — Л., 1988. — 245 с.
40. *Хорошавина А. Г.* Фразеомодель *не + n_n, чтобы* с точки зрения теории иречевого воздействия // Сопоставительная филология и полилингвизм. Сборник научных трудов / Под общ. ред. А. Аминовой и Н. А. Андрамоновой. — Казань: Казанский гос. ун-т, 2003. — С. 187-190.
41. *Храковский В. С.* Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» (опыт сопоставления) // Acta Linguistica Petropolitana. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. . — СПб.: Наука 2014. — С. 25-42.
42. *Что такое корпус?* // Официальный сайт Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>.
43. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М.: Азбуковник, 2003. — Изд-е стереотипное. — 378 с.
44. *Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи. Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — С. 66-75.
45. *Шилихина К. М.* Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. — М.: РГГУ, 2013. — С. 710-717.
46. *Шмелев А. Д.* «Показатели хезитации» в русской устной речи // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — С. 518-530.

47. Шмелев А. Д. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. — 2010, № 19 (1). — С. 236—265.
48. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям // Acta Linguistica Petropolitana. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. — СПб.: Наука 2014. — С. 568-617.
49. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Ermolova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech // 18th International Conference on Speech and Computer (SPECOM 2016). Budapest, Hungary, August, 23-27, 2016 (In Print).
50. Fillmore, Ch. J.; Kay, P.; O'Connor, M. C. Regularity and idiomatity in grammatical constructions: The case of LET ALONE // Language, Vol. 64, № 3. — 1988. — Pp. 501-538.
51. Fillmore, Ch. J.; Kay, P. Grammatical construction and linguistic generalization: The What's X doing Y construction // Language, Vol. 75.— 1988. — Pp. 1-33.
52. Firth J. R. Papers in Linguistics 1934-1951. London: Oxford University Press, 1957. — 233p.
53. Fraser B. Pragmatic competence: the case of hedging // New Approaches to Hedging / G. Kaltenböck [et al.] (eds.). — Bingley : Emerald, 2010. — Pp. 15—34.
54. Fried, M.; Östman, J.-O. (eds.). Construction Grammar in a Cross Language Perspective. Amsterdam: John Benjamins. —2004.
55. Goldberg, A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press—1995— 271 p.
56. Goldberg, A. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford: Oxford University Press—2006. — 290 p.
57. Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. — Frankfurt am Main, 2011. — 328 p.
58. Kay, P., An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar. — 1998. — Pp. 1-19 [Электронный ресурс] www.icsi.berkeley.edu/~kay/cg.arch.ps.
59. Tao H., Thompson S. A. English backchannels in Mandarin conversations: A case study of superstratum pragmatic 'interference' // Journal of Pragmatics. 16. — 1991. — Pp. 209-233.
60. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Harvard University Press. — 2003. — 388 p.